

№ 30. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 28 Іюля 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Сладость мечтаній.

Шутка **В. Сырокомли.** Пер. **Омулевскаго.**

Въ ожиданьи лучшей доли,
Все спасенье для людей —
Бросить мудрость сей юдоли
Ради мыльныхъ пузырей;
Ихъ пустая, мысль людская
Не боится мукъ.
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку —
О, какъ вкусенъ лукъ!

Темный рокъ гнететъ безъ цѣли
Родъ людской, неумолимъ;
Грозы, бури и метели
Чередуются надъ нимъ;
Но, хоть глухо, людямъ въ ухо
Шлетъ надежда звукъ.
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку —
О, какъ вкусенъ лукъ!

О, привѣтъ вамъ, бредни мысли,
Замки облачной страны!
Васъ не зная, мы бы скисли,
Какъ капуста, въ наши дни;
Съ вами въ долѣ, пулей въ полѣ
Нашъ летитъ досугъ.
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку —
О, какъ вкусенъ лукъ!

Тучи-ль виснутъ надъ поэтомъ,
Сердце-ль замерло тоской, —
Недоволенъ этимъ свѣтомъ,
Я творю себѣ иной —
Міръ свободный, не голодный,
Міръ безъ всякихъ мукъ.
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку —
О, какъ вкусенъ лукъ!

Тамъ колосья зрѣютъ всюду,
Стебли гнутся подъ зерномъ;
Примирившемуся люду
Рукоплещетъ все кругомъ;
Каждый пашетъ — чуть не пляшетъ,
Не мозолитъ рукъ.
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку —
О, какъ вкусенъ лукъ!

О! кто грушъ не рвалъ на розахъ,
Кто не мастеръ возводить
Пышныхъ зданій на березахъ, —
Тѣмъ о счастьи не судить!
Увѣряю, слаще раю
Прелесть этихъ штукъ!
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку —
О, какъ вкусенъ лукъ!

Милые бездѣльники.

Очерки **А. Н. Соковнина.**

V.

Мужъ Марьи Александровны.

а свѣтѣ есть не мало лицъ, которыя имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а только вслѣдствіе своихъ супружескихъ отношеній къ разнымъ знаменитостямъ. Это мужья Патти и Жюдикъ, жены Прудоновъ и Тьеровъ. Они какъ будто теряютъ свои собственныя имена и являются чѣмъ то безличнымъ, какими то ненужными хвостами блестящихъ кометъ. Въ западной Европѣ гораздо больше знаменитостей, чѣмъ у насъ, и потому тамъ гораздо больше этихъ мужей Патти и женъ Прудоновъ; но за то у насъ личности подобнаго сорта, будучи супругами даже и не настоящихъ знаменитостей, а какихъ то двусмысленныхъ выскочекъ, играютъ роль еще болѣе странную и смѣшную, чѣмъ тамъ. Когда вамъ говорятъ: «это мужъ Патти! Это жена Тьера!» — вы глядите не безъ нѣкотораго любопытства, не безъ какого то непонятнаго интереса на указанныя лица и, можетъ быть, смотря на нихъ, сознательно или безсознательно стараетесь угадать: каковъ вкусъ у этихъ знаменитостей, супруги которыхъ представлены вамъ? могутъ ли быть счастливы эти знаменитости, соединивъ свою участь вотъ именно съ этими людьми? какъ относятся эти близкіе люди къ своимъ знаменитымъ супругамъ? и т. д. Но когда вамъ рекомендуютъ: «это мужъ Марьи Александровны», вы непремѣнно прежде всего спрашиваете: «какой это Марьи Александровны? Кто такая это Марья Александровна?» и если заинтересовываетесь чѣмъ нибудь, такъ это именно прежде всего самой Марьей Александровной, а не ея мужемъ: имъ можно заинтересоваться только послѣ и то съ чувствомъ сожалѣнія или съ чувствомъ омерзенія.

Мужа Марьи Александровны я встрѣтилъ впервые въ маломъ нижнемъ буфетѣ театра Берга. Онъ много пилъ шампанскаго и очень громко говорилъ окружавшему его офицерству:

— Ну, что же, и поѣдемте къ француженкамъ!.. И поѣдемте!..

Онъ говорилъ это съ такою напускною развязностью и такимъ задорнымъ тономъ, какъ мальчикъ, желающій доказать, что за это его не высѣкутъ.

— Кто этотъ господинъ? спросилъ я у своего пріятеля, завсегдатая театра Берга.

— Это же мужъ Марьи Александровны, отвѣтилъ онъ, какъ-бы удивляясь, что я не знаю этого господина.

— А кто сія Марья Александровна? спросилъ я.

— Кто Марья Александровна? повторилъ мой пріятель съ еще большимъ удивленіемъ. — Да неужели же ты не знаешь ее? Это одна изъ этихъ дамъ, одна изъ львицъ петербургскаго полусвѣта, адвокатъ въ юбкѣ, биржевикъ въ шиньонѣ.

— Но есть же у нея и фамилія, замѣтилъ я.

— Не важная фамилія: Перцова, отвѣтилъ мой пріятель. — Она извѣстна въ свѣтѣ просто какъ Марья Александровна...

«Перцова? Перцова? Знакомая фамилія!» думалось мнѣ и вдругъ я вспомнилъ о семьѣ господъ Олениныхъ, у которыхъ дочь вышла замужъ за какого то Перцова и ее звали тоже Марьей Александровной. Но не можетъ быть, чтобы это была она. То была малообразованная, мало развитая, далеко не умная барышня. Гдѣ же ей быть адвокатомъ въ юбкѣ, биржевикомъ въ шиньонѣ! Я сообщилъ моему пріятелю, что я когда то жилъ у нѣкіихъ господъ Олениныхъ и...

— Ну да, это и есть ихъ дочь! перебилъ онъ меня. — Значитъ, ты можешь прямо ѣхать къ ней и возобновить знакомство. Личность интересная и далеко не лишняя въ числѣ знакомыхъ. Какія дѣла обдѣлываетъ!

— Ну, положимъ, дѣлъ у меня нѣтъ, да и неловко такъ съ вѣтру пріѣхать въ гости, сказалъ я.

— Къ ней то? воскликнулъ мой пріятель со смѣхомъ. — Да къ ней просто съ улицы можно пріѣхать и познакомиться, а у тебя даже нѣкоторыя права есть на знакомство, старыя отношенія къ ея семьѣ. Нѣтъ, ты съѣзди! Ей Богу, пригодится. Вѣдь у нея ты кого встрѣтишь: заслуженныхъ старцевъ, высокомудрыхъ администраторовъ, золотую молодежь, цвѣтъ петербургскихъ дѣльцовъ и кутилъ. Это, братецъ, матерьялъ, твои бифштексы.. Помнишь, Гейне называетъ людей своими бифштексами, а ужь у Марьи ли Александровны не насмотришься на людей!

Я не рѣшилъ ничего: мнѣ и хотѣлось ѣхать къ ней и не хотѣлось. Я сознавалъ, что матеріалъ для белетриста въ ея салонѣ можетъ найдтись обильный и въ то же время чего то боялся. Но какъ бы то ни было, у меня изъ головы не выходилъ одинъ вопросъ: «какъ могла глупенькая барышня сдѣлаться такимъ дѣльцомъ? или она вдругъ поумнѣла?» Отвѣтъ на вопросъ по-

лучился случайно: посѣщая часто театры, я однажды увидалъ въ одной изъ ложъ бельэтажа молодую женщину, сидѣвшую, повидимому, со своею компаньонкою; эта женщина была вся въ черномъ бархатѣ, очень декольтирована, очень эфектно причесана, съ оригинальной накидкой изъ черныхъ кружевъ на головѣ въ видѣ испанской кружевной мантильи, ниспадавшей на ея обнаженныя плечи, шею и грудь. Она сіяла той красотой, которая дается не одною природою, а и долгимъ сидѣньемъ у зеркала, долгими усиліями горничныхъ и куаферовъ. Во всей ея фигурѣ, въ чертахъ лица, въ скромно опущенныхъ глазахъ, въ жестахъ, которыми она встрѣчала поминутно входившихъ къ ней въ ложу мужчинъ, было одно выраженіе покорности и смиренія. Она походила на прелестную молодую вдову, которая все еще оплакиваетъ мужа и которую насильно привезли въ театръ, чтобы немного развлечь,—но увы! напрасно, такъ какъ она можетъ покориться волѣ другихъ, но развеселиться не можетъ. Я долго любовался ею и, въ моей памяти вставало какое то смутное воспоминаніе: я видѣлъ гдѣ то, когда то эту женщину, но видѣлъ ее въ другомъ видѣ.

— Ну, хороша? вдругъ раздался надъ моимъ ухомъ вопросъ.

Я повернулъ голову и увидалъ своего пріятеля, который говорилъ мнѣ о Перцовой.

— Да! Кто это? спросилъ я.

— Не узналъ?.. Да это же и есть Марья Александровна! отвѣтилъ онъ.

— Она? почти воскликнулъ я.—Да развѣ это дама полусвѣта! Развѣ это кокотка! Это воплощеніе грусти, смиренія и покорности!

— А! нарѣченный папаша крестный вотъ уже цѣлый мѣсяцъ упрямится и не хочетъ хлопотать о дѣльцѣ іерусалимскаго дворянина Ісаака Абрамовича Шмулевича! Мы двѣ недѣли никуда не выѣзжали, лежали въ постелькѣ и никого не принимали, даже нарѣченнаго папашу крестнаго. Потомъ нашъ извѣстный медикъ Петръ Платоновичъ Золотовъ, призванный къ постели больной, нашелъ, что болѣзнь заключается въ опасномъ и упорномъ разстройствѣ нервовъ и что нужно черезъ силу развлекать больную, если не желаютъ, чтобы развилось нѣчто въ родѣ тоже упорной и опасной меланхоліи. Вслѣдствіе этого ее вывезли, какъ изволишь видѣть, въ театръ, но онъ ей не доставляетъ удовольствія, она сидитъ въ немъ по неволѣ, по приказанію доктора, хотя она сама сознаетъ, что это не поможетъ... Да что я говорю! Пойдемъ, она все это тебѣ сама разскажетъ..

И мой пріятель насильно потащилъ меня въ ложу къ Марьѣ Александровнѣ, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться.

— Вы меня простите, Марья Александровна, сказалъ онъ, таща меня къ ней въ ложу,—медвѣдя знакомаго вамъ привелъ, еще барышней смѣялись надъ его звѣроподобіемъ.

— Онъ назвалъ мою фамилію.

— Я и такъ бы сейчасъ узнала! проговорила она, протягивая мнѣ съ улыбкой руку.—Я васъ знала въ хорошія времена, когда еще жилось такъ беззаботно—весело. Можетъ быть, это было глупо и наивно, но, право же, было лучше.

— А я васъ не узналъ, сказалъ я.—Вы измѣнились..

— Постарѣла, вздохнула она.

— Напротивъ, расцвѣли, похорошѣли, сказалъ я.

— Ахъ, нѣтъ! Бархатъ, кружево, вотъ что лучше теперь, чѣмъ наши барежевыя платья.. Помните ихъ?... А сама я старуха, болѣю, хандрю...

Антрактъ кончался. Я спѣшилъ откланяться.

— Поѣдемте ко мнѣ! сказала она. — Здѣсь скучно, а тамъ поболтаемъ о старинѣ, о нашихъ jours fixes.. Вы тогда очень смѣялись надъ нами?.. Такъ ѣдете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! отвѣтилъ я.

Она поднялась съ мѣста и взяла меня подъ руку.

— А вы досидите до конца и потомъ пріѣзжайте тоже, сказала она моему пріятелю. — Мы успѣемъ до вашего пріѣзда вспомнить все прошлое... Да, кстати, не говорите никому, что и вы ѣдете ко мнѣ... Не хочу я никого у себя видѣть.

— Но всѣ видятъ, что вы уѣзжаете съ нимъ, замѣтилъ мой пріятель.

— И пусть видятъ, пусть знаютъ! раздражительно проговорила она. — Я ихъ не хочу видѣть... я рада, что я отдохну хоть минуту со старымъ другомъ...

— Такъ и прикажете сказать всѣмъ? спросилъ пріятель.

— Да, да, всѣмъ и каждому! отвѣтила она и стала спускаться со мною съ лѣстницы.

Мы сѣли въ карету и поѣхали. Всю дорогу Марья Александровна не смолкала ни на минуту и я снова узналъ въ ней ту болтливую барышню, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ щебетала въ залѣ, смежной съ тою комнатою, гдѣ жилъ я, — только теперь эта барышня говорила другими словами. Она едва-ли могла быть названа умною или развитою женщиною, тривіальныхъ выраженій у нея проскальзывало не мало и ея языкъ часто напоминалъ языкъ того общества, которое вращается въ Петербургѣ въ «благородкѣ», какъ оно само называетъ благородное собраніе; но у нея было много сноровки, хитрости, кошачьихъ ужимокъ, внѣшняго лоска, хотя мнѣ все казалось, что она кого-то копируетъ, кому-то подражаетъ. Разговоръ велся въ какомъ-то минорномъ тонѣ. «Она постарѣла, она погибшее созданіе, ей тяжело ея положеніе»,—эти фразы не сходили съ ея устъ, наконецъ, она договорилась до фразы: «Мы Травіаты!» и я понялъ, какую роль она разыгрываетъ въ данную минуту. Она выражала сожалѣніе объ утраченной дѣвической наивности, о простой жизни въ своей семьѣ, о томъ, что она не понимала тогда такихъ людей, какъ я, о томъ, что она увлеклась, тогда какъ надо было посовѣтоваться съ умными и честными людьми и т. д. Я узналъ, что она послѣ замужества училась по французски, взявъ француженку-компаньонку, что она брала уроки музыки и пѣнія, что она много читала французскихъ романовъ. Когда мы вошли въ ея квартиру, меня изумило обиліе шелка, бронзы, цвѣтовъ, картинъ, ненужностей французскаго издѣлія и книгъ той же стряпни изъ мастерскихъ Дюма-сына, Понсонъ-дю-Терайля, Белло. Это была въ полномъ смыслѣ квартира кокотки—яркій примѣръ безумнаго бросанья денегъ на совершенно ненужныя, на крайне малоцѣнныя, по художественной работѣ или по матеріалу, вещи и цѣлый университетъ свѣтскаго разврата: затѣйливыя мягкія кушетки, фривольныя статуетки, амуры и зефиры на картинахъ, описаніе жизни новѣйшихъ Фринъ въ романахъ, мягкій полусвѣтъ розоватыхъ лампъ, опьяняющіе ароматы распустившихся горденій, розъ, панкратій и ландышей. Закуривъ легкую папиросу и болтая со мною, Марья Александровна успѣла мнѣ сообщить, что она вышла замужъ поневолѣ, что она почти не видитъ своего мужа, что около нея вертится цѣлый рой ухаживателей, что — ахъ, она вовсе не такъ дурна, какъ объ ней думаетъ свѣтъ! Въ то же время, она пожимала мнѣ руки, просила быть ея другомъ, бранить ее и если бы я былъ юнъ и неопытенъ, то я вѣрно былъ бы къ концу вечера однимъ изъ многихъ ея рабовъ. Повидимому, у нея вошло въ привычку интриговать всѣхъ мужчинъ, дѣлать ихъ хоть на минуту своими любовниками, практиковаться въ кокетствѣ съ каждымъ встрѣчнымъ. Я могъ только удивляться ея артистическимъ способностямъ играть «роль». Она, въ какой-нибудь часъ времени, съумѣла разыграть и роль кающейся Травіаты, и роль заигрывающей съ новой жертвой кокетки, и роль дѣловой женщины, серьезно задумывающейся о будущемъ. Правда, переходы были слишкомъ быстры, ни одна роль не продолжала разыгрываться долго, но все же это умѣнье, на нѣсколько минутъ проникнуться извѣстною ролью, было изумительно. Только два-три раза и то на минуту прорвалась натура капризной и пошловатой женщины, когда въ комнату не во время вошла компаньонка и когда лакей не разслышалъ какого-то приказанія. Но грубый и раздражительный тонъ, вызванный этими людьми, тотчасъ же сгладился мягкимъ щебетаньемъ и очаровательной улыбкой. Она сдѣлалась еще обворожительнѣе, она придвинулась еще ближе ко мнѣ, когда пріѣхалъ мой пріятель.

— Ахъ, это вы! воскликнула она и дружески протянула ему руку. — Я сегодня вполнѣ счастлива, я воскресла!.. Я уже думала, что все прошлое во мнѣ умерло, а оказывается, что нѣтъ, что оно еще живетъ во всемъ моемъ существѣ...

Она еще разъ пожала его руку и прошептала:

— Спасибо вамъ, что вы привели его!

Мы проболтали за полночь и на прощаньи Марья Александровна сказала мнѣ:

— Я жду васъ завтра!

Я было попробовалъ отговориться, но она перебила меня:

— О, хоть одинъ еще вечеръ!

— Ну, братъ, поздравляю! расхохотался мой пріятель, когда мы вышли на улицу.—Капитальное дѣло обдѣлалъ для Марьи Александровны...

— Кто? спросилъ я.

— Да ты же, кому же больше! отвѣтилъ онъ. Я не понималъ ничего.

— Какъ же: старый другъ ея ты, внезапно встрѣтились въ театрѣ послѣ разлуки, тотчасъ же уѣхали вмѣстѣ, случилось это какъ разъ въ то время, когда ей опротивѣла ея жизнь, ея поклонники, свѣтъ. Теперь она покается передъ тобой во всѣхъ содѣянныхъ во время вашей разлуки прегрѣшеніяхъ, вымолитъ твое прощеніе, падетъ къ твоимъ ногамъ съ воплемъ:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

И у ея названнаго крестнаго папаши, у ея пажей и рыцарей, у ея биржевыхъ агентовъ и сотрудниковъ не станетъ болѣе Марьи Александровны!..

— Что ты за чепуху городишь! сердито проговорилъ я.

— Чепуха или нѣтъ, а такъ надо было представить дѣло въ глазахъ свѣта, отвѣтилъ онъ,— и такъ я его и представилъ, тѣмъ болѣе, что именно этого и желала Марья Александровна. Не даромъ же она назвала тебя старымъ другомъ, не даромъ уѣхала въ половинѣ пьесы съ тобой, не даромъ она велѣла мнѣ сказать всѣмъ, что она не хочетъ **ихъ** видѣть!

— Ну, братъ, ты, кажется, ужь слишкомъ много маккіавелизма приписываешь этой глупенькой бабочкѣ, сказалъ я.

— Что она глупенькая бабочка — это вѣрно, что она умѣетъ лукавить и интриговать — это тоже вѣрно, что олухи царя небеснаго, ея поклонники, попадаются на ея незамысловатыя удочки—это ужь совсѣмъ вѣрно, какъ дважды-два четыре, проговорилъ мой пріятель.—Разъ она, братъ, постригаться въ монахини хотѣла, когда долго не давали мѣста одному изъ ея protégé, и въ монастырь ежедневно ѣздила къ обѣднямъ втеченіи недѣли...

— Ну, и...

— И дали желаемое мѣсто.

Мы помолчали.

— А то разъ она поступила проще: ея нарѣченный крестный папаша... Онъ, надо тебѣ замѣтить, крестилъ не ее, а ея сестру, но она его для удобства зоветъ своимъ крестнымъ отцомъ... Такъ вотъ этотъ крестный папаша плохо отдѣлалъ ея будуаръ. Она разсердилась, раскричалась, сняла туфлю и нахлопала его по щекамъ...

— Ну, это ужь дѣйствительно совсѣмъ просто, засмѣялся я.

— Просто, но радикально, отвѣтилъ мой пріятель. — Противъ такого аргумента устоять трудно. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ самъ всякаго обидитъ, всѣхъ распекаетъ, всѣмъ распоряжается, и вдругъ женщина бацъ-бацъ! лупитъ его туфлей по щекамъ. Это такъ ново, такъ неожиданно, такъ оригинально, что такую женщину нельзя не обожать. Все этикетъ да этикетъ — это вѣдь и пріѣстся, нужно же и оплеушины попробовать. Это, братъ, чисто психическія воздѣйствія.

Спустя минуту, мой пріятель продолжалъ въ раздумьи:

— А вѣдь она и за тебя прибьетъ, пожалуй, своего старикашку. Придетъ онъ завтра. Станетъ она разсказывать, что ты встрѣтился съ нею, что ты былъ въ нее влюбленъ и прежде, что ты сгараешь и теперь къ ней страстью, что ты предлагаешь ей бросить все и удалиться съ тобою въ пустыню, что она готова для тебя на все. Начнутся упреки, слезы и, можетъ быть, битва́. Врать она мастерица: и плачетъ — вретъ, и смѣется — вретъ.

— Ну, я-то не стану играть роль мнимаго обожателя и не пойду къ ней даже завтра, сказалъ я.

— И отлично сдѣлаешь, потому что тебя завтра не примутъ.

— Она же звала...

— А все-таки не приметъ. Завтра утромъ она повоюетъ и помирится со старикомъ, который дастъ обѣщаніе хлопотать о дѣльцѣ жида, а вечеромъ они будутъ блаженствовать, разыгрывая идиллію примиренія. Тутъ ужь будетъ не до тебя, а до выманиванья денегъ: купи это! подари то! А ты лучше, по-просту, какъ-нибудь утречкомъ зайди къ ней и говори, какъ я, въ шутливомъ тонѣ—друзьями будете. Она баба нужная, для изученія годная.

Я послѣдовалъ совѣту пріятеля, не пошелъ въ назначенный часъ къ Марьѣ Александровнѣ, посѣтилъ ее какъ-то утромъ, заговорилъ въ шутливомъ тонѣ и Марья Александровна развернулась, впала въ мой тонъ, начала скабрезничать и даже показалась мнѣ ужь черезчуръ пошловатою. Какой-нибудь часъ бесѣды показалъ мнѣ эту женщину всю во весь ростъ: праздная, изнѣженная, капризная, мало развитая, плохо образованная, лукавая, она брала только бойкостью, беззастѣнчивостью, ловкостью и красотою, которая при разныхъ новѣйшихъ пособіяхъ, казалась дѣйствительно замѣчательною. Привлекало къ Марьѣ Александровнѣ обожателей и то обстоятельство, что она беззастѣнчиво готова была за деньги обдѣлать всякое дѣло и также беззастѣнчиво готова была за деньги отдаться всѣмъ крайностямъ разврата. Нравственной узды у нея не было никакой, границы ея безнравственности трудно было предвидѣть впередъ. Про нее ходили слухи самые невѣроятные для тѣхъ, кто не зналъ ее лично, но, познакомившись съ нею поближе, трудно было сказать, что она не пойдетъ на тотъ, или другой чудовищный скандалъ. Это было настоящее дитя столичной праздности, распущенности, безнравственности и продажности. Деньги и удобства были ея единственными кумирами. Изучать подобныхъ людей нечего долго, потому что они—глуповатые и пошловатые—высказываются быстро.

По рядомъ съ ней или, вѣрнѣе сказать, за ней стоялъ субъектъ, заинтересовавшій меня. Этотъ субъектъ былъ мужъ Марьи Александровны.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ масса мелкихъ чиновничьихъ семей, гдѣ нѣжные родители холятъ и лелѣятъ, кормятъ лакомымъ кусочкомъ и обучаютъ въ гимназіяхъ какихъ-нибудь любимчиковъ-сынковъ, но въ тоже время эти едва сводящіе концы съ концами, въ сущности очень добродушные и даже честные по своему люди твердятъ денно и нощно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, этимъ любимчикамъ-сынкамъ: «голубчикъ, веди ты себя скромнѣе! Сторонись ты отъ озорниковъ-товарищей! Бѣду наживешь ты только съ ними! Да на людей-то смотри ты поласковѣе! Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ! Тоже не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь! Бросишь хлѣбъ назади, а онъ очутится впереди! Начальству-то будь ты покоренъ! Начальство знаетъ, что дѣлаетъ! Ты съ людьми хорошъ и они съ тобой хороши!» И все это говорится съ лаской, при всѣхъ этихъ наставленіяхъ раздаются поцалуи, гладятъ мальчика по головкѣ, ты, молъ, у насъ паинька! И ростетъ мальчикъ румяный, выхоленный, заласканный и самъ такой тихій, предусмотрительный, нѣжный, мягкосердечный, мухи не обидитъ. Но, чѣмъ тише и мягче онъ, чѣмъ больше смотритъ «красной дѣвушкой», чѣмъ болѣе онъ конфузится при каждой мелкой шалости, тѣмъ болѣе мирволитъ ему начальство въ училищѣ. Онъ, можетъ быть, тупъ, но онъ усерденъ; онъ, можетъ быть, лѣнивъ, но онъ отличнаго поведенія, его переводятъ изъ класса въ классъ за благонравіе, если не за успѣхи; ему даютъ мѣсто за добрыя качества, но не за знаніе и не за умъ. Въ такой обстановкѣ и въ такихъ условіяхъ въ откормленномъ теленкѣ сильно развивается склонность къ мечтамъ о разныхъ благахъ и лѣнь для упорнаго труда къ пробиванью пути къ этимъ благамъ: избалованному мечтателю все кажется, что эти блага ниспадутъ на него сами собою, какъ манна небесная, и если онъ что-нибудь дѣлаетъ для достиженія ихъ, такъ это только то, что онъ ходитъ аккуратно на службу, усердно вскакиваетъ и краснѣетъ передъ начальствомъ, исполняетъ мелкія порученія какой-нибудь начальнической экономки, вздыхаетъ, проходя съ опущенными взорами передъ дочерью начальника, однимъ словомъ играетъ роль цѣломудренной невѣсты, плѣняющей выгоднаго жениха. Такой невѣстой, плѣняющей выгоднаго жениха, былъ и мужъ Марьи Александровны до своей женитьбы. Служа или, вѣрнѣе сказать, посѣщая мѣсто службы, онъ прислуживалъ всѣмъ, краснѣлъ передъ всѣми и вмѣсто дѣла писалъ стихи «къ ней», дѣлалъ росчерки подъ своею подписью, выводилъ затѣйливые вензеля и ждалъ, когда его женятъ за благонравіе и цѣломудріе. Невѣста, о которой онъ мечталъ и боялся мечтать, была Марья Александровна, дочь его ближайшаго начальника, названная крестница одного высокопоставленнаго лица. Два раза онъ поднялъ ей со вздохомъ платокъ въ церкви, три раза онъ удостоился въ клубѣ подержать ея шарфъ, одинъ разъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье осмѣлился поцаловать ей ручку—этого было довольно для самыхъ невѣроятныхъ грезъ, для писанья двухъ сплетенныхъ между собою вензелей, изъ которыхъ одинъ былъ его, а другой ея вензель. И вдругъ, о счастіе! мечты сбылись: его пригласили въ домъ къ его начальнику, его оставили съ нею наединѣ, ему дали понять, что онъ можетъ «осмѣлиться». Онъ «осмѣлился» и нарѣченный крестный папаша дѣвушки сказалъ ему:

— Я буду васъ имѣть въ виду!

Марья Александровна была не изъ трусливыхъ, но она боялась той минуты, когда ей придется объяснить молодому мужу, что она далеко не такъ чиста и невинна, какъ кажется. Волненіе ея къ концу свадебнаго вечера возросло до того, что она, оставшись съ глаза на глазъ съ мужемъ, расплакалась и въ слезахъ начала говорить, что ее погубили. Его такъ тронули ея слезы, что онъ и самъ всплакнулъ, обнимая ее, и шепталъ:

— Богъ съ ними! Богъ съ ними!

Все такимъ образомъ обошлось какъ нельзя лучше и даже придало особенную поэзію любви молодыхъ супруговъ, плакавшихъ въ объятіяхъ другъ у друга.

Такимъ же мягкимъ и покладистымъ мужемъ оказался Александръ Семеновичъ Перцовъ, когда названный крестный отецъ его жены сталъ слишкомъ часто посѣщать ихъ, усылая притомъ Перцова, то съ какими-то порученіями, то въ театръ, то, наконецъ, просто въ командировки. Ему прибавляли жалованье, ему дѣлали подарки и онъ былъ доволенъ, потому что онъ теперь былъ, въ сущности, обезпеченъ на будущее время и застрахованъ отъ всякой необходимости работать, а работа была для него всегда какимъ то пугаломъ, чѣмъ-то грязнымъ и утомительнымъ, чѣмъ-то отрывающимъ человѣка отъ спокойствія и отнимающимъ время у удовольствій. Истиннымъ счастіемъ онъ считалъ: спокойствіе, праздность, посѣщеніе театровъ, прогулку по Невскому на рысакѣ, ужинъ съ товарищами въ трактирѣ, хорошую одежду, интрижку «съ дѣвочками», какъ онъ выражался самъ. Теперь это все стало доступно ему и онъ даже не сердился, когда на него иногда набрасывалась съ какой-нибудь бранью, или упреками Марья Александровна, раздраженная чѣмъ-нибудь.

— Ну, цыпка моя, душонокъ мой, опять тебя разсердилъ кто-нибудь! успокаивалъ онъ ее.— Ну, давай твои лапки, я ихъ расцѣлую! Царица ты моя ненаглядная!

И онъ целовалъ ея руки, становился передъ ней на колѣни, гладилъ ея ножки своими красными руками, заигрывалъ съ нею, какъ съ капризнымъ ребенкомъ. Иногда онъ былъ противенъ въ эти минуты даже ей, иногда же она, разнузданная и привыкшая къ разгулу, съ циничнымъ смѣхомъ говорила:

— Вотъ и хорошо, что у меня мужъ подъ рукой.

Эта фраза «мужъ подъ рукой» быстро распространилась въ кружкѣ Марьи Александровны и съ той поры Перцова иначе и не звали, какъ «мужемъ подъ рукой».

По своему онъ былъ счастливъ. Но онъ былъ трусъ по натурѣ, по воспитанію и это его погубило.

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ, говоритъ прописная истина, но у этой матери рождается еще болѣе дѣтей, когда она сама является дочерью избалованности, изнѣженности, закормленности. Александръ Семеновичъ, выхоленный, избалованный, изнѣженный съ дѣтства, стремился къ праздности, какъ къ высшей цѣли въ жизни, но, достигнувъ этой цѣли, онъ началъ мечтать о наслажденіяхъ, объ удовольствіяхъ, объ удовлетвореніи своихъ животныхъ инстинктовъ, которые такъ сильно развиваются въ здоровомъ, откормленномъ, взлелѣянномъ организмѣ. На это были нужны деньги и онъ доставалъ ихъ пригоршнями изъ кармановъ жены. Жена не морщилась, не возражала, пока онъ былъ еще нуженъ ей, какъ мужъ подъ рукой. Но чѣмъ больше расширялся кругъ ея знакомыхъ, ея поклонниковъ, ея обожателей, чѣмъ больше она чувствовала любви къ наживѣ, къ крупнымъ кушамъ, тѣмъ чаще пробуждался въ ней вопросъ:

— За что я его кормлю?

Чѣмъ настойчивѣе повторялся этотъ вопросъ, тѣмъ чаще и тѣмъ зловѣщѣе дѣлались сцены между мужемъ и женой изъ-за денегъ. Онъ про-

бовалъ успокоивать ее своими ласками, но эти ласки уже были ей не нужны; онъ потерялъ для нея даже значеніе хорошенькаго юноши, такъ какъ около нея стояло цѣлое полчище болѣе молодыхъ и болѣе красивыхъ юношей. Она стала говорить ему:

— Подите, вы мнѣ противны!

Тогда онъ, слабохарактерный и мягкосердечный, сталъ рыдать и умолять ее при каждомъ вопросѣ о лишнемъ рублѣ. Этого было довольно, чтобы она почувствовала ясно свою силу надъ нимъ и стала третировать его, какъ лакея.

Въ одну изъ бурныхъ сценъ она разгорячилась до того, что дала ему пощечину: онъ присѣлъ и заплакалъ; она выгнала его вонъ изъ своей комнаты и онъ пошелъ прямо въ трактиръ и напился тамъ до безчувствія. Съ этой минуты начался новый фазисъ его семейной жизни. Его въ его собственной квартирѣ сталъ ругать и осмѣивать каждый, кто хотѣлъ; онъ потуплялся, молчалъ, пропускалъ все мимо ушей и въ концѣ концовъ напивался съ горя.

Иногда поклонники Марьи Александровны, чтобы за что-нибудь отомстить ей, затягивали его въ свою компанію, подпаивали его и пробовали подстрекнуть его къ бунту.

— Мы удивляемся, Александръ Семеновичъ, говорили они ему,—какъ вы терпите все въ своемъ домѣ! Вѣдь вы мужъ! Вы имѣете право выгнать изъ своего дома всѣхъ непріятныхъ вамъ гостей...

— И она уйдетъ, и она уйдетъ съ ними! бормоталъ онъ, опуская голову.

— Уйдетъ! Что вы говорите! Да вы, по праву мужа, по этапу можете ее вытребовать откуда бы то ни было и заставить жить съ собою, замѣчали ему.

— Да она меня самого выслать можетъ, бормоталъ онъ.—Связи у нея...

— Ну, и пусть вышлетъ, а вы ее по этапу къ себѣ потребуйте, совѣтовали ему.—Да если вы вздумаете власть показать, она по вашей дудкѣ плясать будетъ и ея крестный, что-ли, папаша у васъ по стрункѣ будетъ ходить. Вы ободритесь только, смѣлости наберитесь...

— Нѣтъ-съ... гдѣ мнѣ! уже плакалъ онъ.—Я тряпка! Я погубленный человѣкъ! Она меня обманула! Она меня за мужа не считаетъ!

— Потому и не считаетъ, что вы сами не хотите поставить себя иначе въ домѣ! подзадоривали его.—А вы вотъ пойдите къ ней, прикрикните на нее, нашумите побольше, сломайте что-нибудь... Да вы выпейте для храбрости! Эхъ вы, трусъ!

— Я не трусъ... а она меня погубила!..

— Ну, вы и отплатите ей, а то еще и не то будетъ! Вѣдь она васъ выгонитъ еще когда-нибудь, что тогда будетъ? Вѣдь вы нищеты боитесь?

— Я никакъ не могу-съ въ нищетѣ жить...

— А будете, если она васъ выгонитъ! А вотъ если бы вы теперь пришли къ ней да прикрикнули бы на нее, она и дала бы вамъ крупный кушъ. Хоть обезпечили бы себя на время!

Запугиванья, совѣты и подзадориванья пьяной компаніи шутниковъ доводили, наконецъ, Александра Семеновича до того, что онъ набирался пьянаго задора и шелъ къ женѣ въ буйномъ настроеніи.

— Вамъ что нужно? раздавался гнѣвный вопросъ жены при его появленіи.

— Я пришелъ... Какъ ты смѣешь... начиналъ мужъ, таращa пьяные глаза.

— Вы пьяны? Идите вонъ! приказывала жена.

— Я мужъ!.. я по этапу! бормоталъ онъ, сжимая кулаки.

— Вонъ! еще разъ звучало надъ нимъ.

— Я тебя... въ бараній рогъ! Я мужъ... по этапу! бормоталъ онъ, хватаясь за первую попавшуюся вещь.

Раздавался гнѣвный звонокъ жены.

— Заприте его куда-нибудь! приказывала она явившемуся слугѣ.

Слуга бралъ въ охапку барахтавшагося и кричавшаго барина и исполнялъ приказаніе барыни, присоединяя къ этому нѣсколько толчковъ и пинковъ пьяному бѣдняку отъ себя.

Послѣ одной изъ такихъ сценъ, Марья Александровна встрѣтила названнаго крестнаго папашу со слезами и криками.

— Вышлите, вышлите его изъ Петербурга!

— Кого? За что? Успокойся! волновался старецъ, ничего не понимая.

— Мужа, мужа вышлите! топала она ножкой.

— Да за что? тревожно спрашивалъ старецъ.

— Я не хочу его видѣть! кричала она.

— Да этого нельзя! уговаривалъ старикъ.

— А я хочу, я хочу, чтобы его выслали! сердилась она.

— Да какое же я имѣю право высылать людей изъ Петербурга? пожималъ плечами старикъ.

— Ну, хлопочите, чтобъ удалили, хлопочите! кричала она. — Никакой пустой просьбы не хотите исполнить, а говорите, что любите! Противный! Меня бить, тиранить, позорить онъ будетъ, а вамъ ничего! Чтобы завтра же онъ былъ высланъ!

— Успокойся! Успокойся! уговаривалъ ее старецъ.—Ну, въ командировку я могу назначить... Правда, онъ ничего не умѣетъ дѣлать... Ну, перевести его можно въ другой городъ... конечно, его тамъ скоро выгонятъ...

— Выслать, выслать его! плакала она капризными слезами.

— Да ты успокойся! Развести васъ лучше всего!

Старецъ даже просіялъ, озаренный этою геніальною мыслью. Марья Александровна вдругъ успокоилась и совсѣмъ серьозно спросила:

— Онъ денегъ за это потребуетъ?

— Зачѣмъ. Можно все такъ устроить... ну, тамъ причины найдти... Я заплачу за разводъ... Тогда ты будешь моя!

Марья Александровна залилась смѣхомъ.

— Ахъ, какая я дѣвочка! Какъ это мнѣ самой не пришло въ голову! Что же надо дѣлать?

— Мы все устроимъ.

И старецъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Въ одинъ прекрасный день Александру Семеновичу дали неожиданно денегъ и послали его въ маскарадъ; тамъ его заинтриговала маска и зазвала его ужинать въ одинъ изъ ресторановъ; они помѣстились въ отдѣльномъ кабинетѣ и остались tête á tête, какъ вдругъ ихъ интимная бесѣда была нарушена случайно открывшими двери людьми. Черезъ недѣлю послѣ этого начато Марьею Александровною дѣло о разводѣ ея съ Александромъ Семеновичемъ, который обвинялся въ невѣрности. Свидѣтелей было не мало, все пошло, какъ по маслу, и черезъ годъ Марья Александровна была свободна: таинственная маска, свидѣтели и еще нѣсколько лицъ получили вознагражденіе. Безъ награды остался только Александръ Семеновичъ, потерявшій и жену, и мѣсто.

— Я вамъ отказываю за безнравственность! говорилъ ему начальникъ. — Я не терплю безнравственныхъ людей на службѣ. Вы сдѣлали скандалъ на весь городъ. Ваше имя стало сказкой города! Стыдитесь!

Александръ Семеновичъ былъ убитъ: съ дѣтства онъ преуспѣвалъ вездѣ и во всемъ за благонравіе и вдругъ его выгоняютъ со службы за безнравственность!

Какъ-то разъ лѣтомъ судьба забросила меня въ небольшой загородный ресторанчикъ. Проходя черезъ буфетную комнату я увидалъ знакомое мнѣ лицо—господина съ нѣсколько опухшей физіономіей пьющаго человѣка, въ черезчуръ модномъ, хотя и дешевенькомъ лѣтнемъ платьѣ изъ безвкусной клѣтчатой матеріи, въ голубенькомъ галстучкѣ, повязанномъ бантикомъ, съ бронзовою цѣпочкою и бронзовыми брелоками на жилетѣ. Онъ походилъ на прифрантившагося лакея съ завитыми и напомаженными волосами, съ угловатыми ухватками лютаго сердцеѣда. Это былъ Александръ Семеновичъ Перцовъ, значительно постарѣвшій въ послѣдніе пять лѣтъ, но за то молодившійся и бодрившійся болѣе, чѣмъ въ тѣ годы, когда я зналъ его еще довольно юнымъ. Онъ пилъ и закусывалъ, помахивая тоненькой тросточкой съ стекляннымъ голубымъ шарикомъ вмѣсто набалдашника. Онъ меня узналъ тоже сразу и развязно подошелъ ко мнѣ.

— А, монъ шеръ, какими судьбами попали въ наши палестины? проговорилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Гулялъ съ компаніей по островамъ, усталъ и зашелъ сюда отдохнуть и выпить чаю, сказалъ я.—А вы развѣ здѣсь живете?

— Да. Шатошка тутъ недалеко! отвѣтилъ онъ.—Я вѣдь теперь танцую!

— То есть какъ это танцуете? спросилъ я.

— А такъ: тру-ля-ля, тру-ля-ля! нахальнымъ тономъ пропѣлъ онъ, заложивъ по пальцу за проймы жилета и принимая позу канканера.—Полно горевать! Плюю я на горе! Молодъ, значитъ, и веселись!

Отъ него несло водкой. Я поспѣшилъ за своими пріятелями въ другую комнату, куда уже намъ подали чай.

— Что этотъ господинъ часто бываетъ у васъ здѣсь? спросилъ я слугу.

— Да почитай, что кажинный день, отвѣчалъ онъ.—День здѣсь, вечеръ въ Шато-де-флёрѣ, а потомъ...

Половой засмѣялся.

— Все съ женскимъ поломъ хороводятся!

— Еще, вѣрно, не все пропилъ или служитъ гдѣ-нибудь? спросилъ я.

— Извѣстно-съ, канканъ пляшутъ, этимъ и кормятся. Господа очень одобряютъ и награждаютъ. Со многими даже на дружеской ногѣ изъ настоящихъ господъ. Ну, то же и женскій полъ къ нимъ пристрастны, потому человѣкъ они еще въ силѣ, самыхъ то есть падлежащихъ лѣтъ. Только хмѣлемъ ужь очень шибко зашибаются. Иной разъ сами свою пользу отъ себя теряютъ. А то дѣло ихъ выгорѣло бы...

Слуга еще долго распространялся о новой професіи Перцова, какъ о серьезномъ и выгодномъ занятіи, приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія доводы въ родѣ того, что Перцовъ всѣмъ пользуется даромъ и, даже совсѣмъ напротивъ, ему же платятъ за то, что онъ всѣмъ пользуется.

— Вотъ ужь можно ска ать и пьянъ, и сытъ и всячески ублажаемъ на чужой счетъ, продолжалъ слуга.—Такъ нѣтъ, мало, напьется иной разъ такъ отъ себя, что все спуститъ, изваляется, образа человѣческаго не имѣетъ. Ну, а, конечно, ни господамъ, ни женскому полу это не нравится, гоняютъ то же. Такъ-то вотъ ужь которое время колесомъ это у него все идетъ, то кверху, то книзу, одно слово фартуна. А все отъ необузданности, потому человѣкъ тоже узды требуетъ, чтобы по своей колеѣ идти и все въ мѣру дѣлать.

Еще разъ, очень недавно, промелькнулъ передо мной этотъ бездѣльникъ. Онъ уже служилъ фактотумомъ и жилъ на иждивеніи у одной пожилой женщины, промышлявшей въ столицѣ однимъ изъ самыхъ позорныхъ занятій. Я его встрѣтилъ у Бореля, нарядпаго, развязнаго, наглаго и потолстѣвшаго. Онъ пилъ какой-то ликеръ въ обществѣ одного юнца изъ нашей золотой молодежи и говорилъ громко:

— Вы не безпокойтесь! Я обдѣлаю это дѣльце!

Остяки. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

Отъ нашихъ рукъ ужъ не уйдетъ! Днемъ позже, днемъ раньше, а завербуемъ.

Говорятъ, онъ обдѣлываетъ, ничего не дѣлая, катаясь на рысакахъ и попивая дорогія вина на чужой счетъ, тысячныя коммисіи.

Въ Египтѣ.

Романъ.

I.

арта! Твоя маленькая принцеса въ Марсели! Увы, моя дорогая! прошелъ только день съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, но день этотъ мнѣ кажется вѣчностью! Само собою разумѣется, что какъ только я распростилась со всѣми вами въ вокзалѣ и очутилась въ вагонѣ, напускная моя твердость исчезла и я принялась плакать. Бель, вѣрная своей системѣ невмѣшательства, молчаливо пережидала окончанія кризиса, методически раскладывая наши дорожныя принадлежности. Чувство одиночества давило душу. Меня такъ неожиданно оторвали отъ всего, что было дорого и мило, что всякая связь съ внѣшнимъ міромъ казалась мнѣ порванной. Къ отчаянію моему примѣшивался страхъ. Замѣнитъ-ли мнѣ родная, но незнакомая семья ту, которую я теперь теряла? Съ тѣхъ поръ, какъ я начала себя помнить, одни только вы—мнѣ дороги и близки и если судьба увлекаетъ меня въ Египетъ, то сердце мое остается съ тобой, съ твоей матерью, въ вашемъ домѣ, въ тѣнистомъ саду, наполненномъ нашими дѣтскими мечтами и грезами!

— Бель! вскричала я, хватая ея руки и крѣпко сжимая ихъ,—не покидайте меня!

Я удивлялась своей безпечности. Но вы всѣ были ко мнѣ такъ добры, ваша семья такъ скоро сдѣлалась моей семьей, что мысли о будущемъ никогда не смущали меня. О себѣ я знала только то, что родилась въ Каирѣ, что я принцеса и очень богата, что мнѣ было около пяти лѣтъ, когда г. Гутлеръ, банкиръ моего отца, привезъ меня къ вамъ и что первое время я была такъ дика, что баронеса, теряя надежду приручить меня, чуть было не отослала меня назадъ, къ моимъ пирамидамъ. Но, благодаря тебѣ, твоимъ ласкамъ, а также попеченіямъ Бель, мое превращеніе въ существо, если не разумное, то по крайней мѣрѣ цивилизованное, мало по малу совершилось. Вы заставили меня забыть объ родинѣ. Помнишь, какъ однажды, старикъ учитель арабскаго языка, у котораго я каждый день брала уроки, пристально посмотрѣвъ на меня, сказалъ, что въ нашемъ отечествѣ дѣвушекъ запираютъ въ гаремъ, какъ только имъ минетъ двѣнадцать лѣтъ. Его удивляло, что меня до сихъ поръ оставляютъ на свободѣ, вѣдь мнѣ уже было пятнадцать лѣтъ!

— Забытая! вскричала ты, обнимая меня.— Ты забытая!

— Милая Марта! Еслибъ меня навсегда забыли! Бель увѣряетъ, что ты пріѣдешь насъ навѣстить въ Египетъ, что это будетъ во время твоего свадебнаго путешествія... Выходи скорѣе замужъ.

Въ Марсели намъ пришлось ждать парохода до слѣдующаго утра. Чтобъ разсѣять немного мою тоску, Бель предложила походить по городу. Во время этой прогулки, у насъ вышла маленькая ссора, вотъ изъ-за чего: мнѣ вздумалось зайти въ цвѣточный магазинъ, чтобы купить для тебя нѣсколько камелій и маленькое банановое деревцо. Бель этому воспротивилась.

— Бросить тысячу франковъ на цвѣты! Вы не можете себѣ позволять такихъ издержекъ, Мріемъ, надо быть экономнѣе, не забывайте, что Египетъ разоренъ.

И не взирая на всѣ мои возраженія, она настояла таки на своемъ, ты получишь одинъ букетъ!

Вернувшись домой, она заставила меня снова выслушать чтеніе того достопамятнаго письма, которое послужило началомъ всѣхъ моихъ печалей. «Дорогой г. Гутлеръ, прошу васъ немедленно выслать мнѣ мою дочь. Счетъ вашъ будетъ уплаченъ только на половину. Въ настоящее время денегъ у насъ нѣтъ. Египетъ разоренъ».

Какая тоска! Вечеръ холодный. Сижу у камина и думаю объ Египтѣ. Что меня тамъ ожидаетъ? Напрасно пытаюсь я вызвать въ памяти образъ моего отца... всѣ усилія остаются тщетны, а родная страна вызываетъ въ воображеніи одну только неоцѣненную особенность—зной. Вѣдь я вѣчно зябну, какъ наша покойная мартышка, помнишь?

Хотѣлось бы смѣяться, да не могу. Жутко мнѣ! Почему меня такъ долго забывали? Иногда мнѣ кажется, что тому причиной не одно только равнодушіе, но также какое-нибудь печальное семейное обстоятельство... Не брани меня, я стараюсь слѣдовать твоимъ совѣтамъ, стараюсь вѣрить, что отецъ разстался со мной, потому что не могъ поступить иначе, а теперь вызываетъ меня, потому что препятствія къ нашему соединенію исчезли... Но все-таки мнѣ жутко! Ты меня знаешь, я не изъ тѣхъ, что покоряются безъ разсужденій. У меня потребность распрашивать, разузнавать... и признаюсь тебѣ, что таинственность, которою я окружена, пугаетъ меня. Я представляю себѣ моего отца не только суровымъ и холоднымъ человѣкомъ, но также и враждебнымъ ко мнѣ. Вѣдь онъ меня не знаетъ, ничего насъ не связываетъ... Мать моя, безъ сомнѣнія, давно скончалась. Развѣ она разсталась бы со мной, еслибъ была жива?

— Выходи скорѣе замужъ, моя дорогая, и пріѣзжай съ мужемъ—либо ко мнѣ, либо за мной.

II.

Познакомилась съ моимъ отцомъ! Онъ милый, добрый, ласковый... Я его очень люблю! Мой въѣздъ въ Шимилахъ—это ослѣпительное видѣніе изъ Тысячи одной ночи!.. Но надо все разсказать по порядку.

Изъ Марсели мы сѣли на пароходъ, отправляющійся въ Александрію. Не распространяясь ни объ ночи, проведенной на пароходѣ, ни о пассажирахъ, среди которыхъ особенно выдавалась г-жа Панафи, знаменитая каирская банкирша, съ дочерьми въ растрепанныхъ шиньонахъ, скажу тебѣ, что имя принцесы Мріемъ, внесенное въ книгу пассажировъ, произвело большой эфектъ. Нравы и обычаи здѣшнихъ странъ таковы, что на семнадцатилѣтнюю принцесу, прогуливающуюся по палубѣ безъ покрывала, въ европейскомъ костюмѣ и безъ тѣлохранителей, смотрятъ какъ на диво!

Наступилъ седьмой день нашего путешествія. Наканунѣ вечеромъ, въ виду Александріи, началась довольно непріятная качка и съ разсвѣтомъ всѣ собрались на палубу. И я тоже, вмѣстѣ со всѣми, смотрѣла на желтый берегъ, на которомъ скучивались бѣлыя строенія, перемѣшанныя съ группами пальмовыхъ деревьевъ. Мы подвигались очень медленно; отъ берега ежеминутно отдѣлялись челноки, подплывавшіе къ намъ на встрѣчу. Нетерпѣливые пассажиры отыскивали, съ помощью биноклей, друзей и знакомыхъ. Я одна, кажется, не раздѣляя всеобщей радости, печально размышляла о томъ, что поводомъ къ моему возвращенію на родину послужило народное бѣдствіе и что меня ожидаетъ только одно горе. Съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ, я прижималась къ Бель и вспоминала о тебѣ.

Прошло, такимъ образомъ, съ полчаса времени. Пароходъ причалилъ, бросили якорь, ялики, точно стая птицъ, суетливо налетали со всѣхъ сторонъ и начали обмѣниваться сигналами. Мнѣ некого было узнавать въ этой толпѣ. Все мнѣ было здѣсь чуждо: длинные синіе костюмы лодочниковъ, типы лицъ и одеждъ, пестрота красокъ, шумъ и движеніе, яркость солнечнаго блеска... Да, все это мнѣ было чуждо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ интересно, что мало-по-малу любопытство одержало верхъ надъ всѣми прочими ощущеніями. Вскорѣ большая лодка, разукрашенная флагами и коврами, привлекла мое вниманіе. Передъ нею почтительно разступались всѣ прочіе ялики и лодочки; мѣрно ударяли по волнамъ весла ея двѣнадцати гребцовъ, флаги красиво развѣвались по вѣтру. Въ лодкѣ сидѣлъ мужчина представительной наружности, важно скрестивъ на груди руки и гордо поднявъ голову. Лодка причалила, онъ поднялся по лѣстницѣ, у которой капитанъ парохода встрѣтилъ его съ признаками глубокаго уваженія.

Оба направились въ мою сторону — это былъ мой отецъ.

Онъ еще молодъ, ему недавно минуло тридцать девять лѣтъ. Онъ высокъ, строенъ и тонокъ, у него большіе темные глаза, повелительный взглядъ, носъ съ легкой горбинкой, зубы ослѣпительной бѣлизны, цвѣтъ кожи подернутъ золотистымъ оттѣнкомъ. Привѣтливо раскланявшись съ Бель и поблагодаривъ ее на французскомъ языкѣ и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ за то, что она согласилась сопровождать меня въ Египетъ, онъ предложилъ намъ сойти въ каюту, гдѣ ожидала меня женская прислуга. Выйти на берегъ въ европейскомъ костюмѣ было бы противно здѣшнимъ обычаямъ. Я повиновалась безпрекословно. У дверей сторожили негры, а въ каютѣ передъ нами очутились два привидѣнія, укутанныя съ ногъ до головы черными шелковыми мѣшками, называемыми «забарахъ», за которыми ничего не видно—ни рукъ, ни таліи женщины, одни только черные глаза сверкаютъ въ отверстія, прорѣзанныя съ этой цѣлью въ верхней части этой странной одежды.

Нѣсколько минутъ спустя, я вышла изъ каюты, въ такомъ же точно костюмѣ, съ тою только разницей, что мой забарахъ былъ бѣлый, а голова покрыта густымъ кружевнымъ вуалемъ. Бель была въ черномъ. Мнѣ было очень смѣшно путаться въ широкихъ складкахъ непривычной одежды; я отыскивала глазами отца, но напрасно,—коранъ строго запрещаетъ мужчинамъ показываться въ публикѣ съ женщинами. Насъ усадили подъ навѣсъ великолѣпно разукрашенной шлюпки, а на берегу ожидала карета, окруженная стражей изъ негровъ, въ курткахъ, вышитыхъ золотомъ, съ длинными газовыми рукавами, развѣвающимися по вѣтру на подобіе крыльевъ. Негры вскочили на лошадей и окружили нашу карету въ слѣдующемъ порядкѣ: двое поскакали впереди, двое сзади, а двое по бокамъ, у дверецъ, съ поднятыми и тщательно завѣшанными стеклами. Карета остановилась у вокзала желѣзной дороги. Насъ повели какимъ-то особеннымъ ходомъ, недоступнымъ остальной публикѣ, къ отдѣльному вагону, въ который негры заперли насъ на ключъ. Мы очутились въ арабскомъ салонѣ, уставленномъ диванами, столиками съ перламутровыми украшеніями; передъ окнами золоченыя сѣтки изумительно тонкой и прочной работы, сквозь которыя нескромному взгляду нѣтъ возможности проникнуть въ наше убѣжище. На каждой станціи наши тюремщики подносили намъ цвѣты, фрукты, свѣжую воду. Въ Каирѣ таже церемонія, что и въ Александріи, тоже пересаживаніе въ карету съ завѣшанными окнами. Благодаря немного отвернувшемуся краю сторы, я могла посмотрѣть на городъ... Какая суета! Какой содомъ живописнаго отрепья! Пестрота, блескъ, пыль и грязь!

Мы покинули городъ. Карета покатилась по великотѣнной аллеѣ смоковницъ. Верхушки деревьевъ, сплетаясь между собой, образовывали ярко зеленый сводъ; солнечные лучи, пронизываясь сквозь листву, разсыпались золотыми пятнами по темной дорогѣ. Вдали бѣлѣющаяся линія дворцовъ, рѣзко оттѣнила сафирныя волны Нила, со скользящими по нимъ лодочками. Наконецъ, вотъ и Шимилахъ, мѣсто моего рожденія. Огромныя ворота отворены на обширный дворъ... за ними вторыя. По обѣимъ сторонамъ этихъ послѣднихъ, на каменныхъ скамьяхъ, сидятъ негры, поджавъ подъ себя ноги. Они кидаются отпирать намъ. Дворецъ—большое двухэтажное зданіе, съ полукруглыми флигелями по обѣимъ сторонамъ; онъ выкрашенъ въ розовую краску и архитектурнымъ украшеніемъ ему служатъ однѣ только чугунныя рѣшетки изящной работы, которыми снабжены почти всѣ окна. Карета остановилась у мраморнаго крыльца, на которомъ насъ встрѣтилъ мой отецъ. Въ сѣняхъ были разставлены евнухи. Я была слишкомъ взволнована, чтобъ обращать вниманіе на комнаты, черезъ которыя меня повели. Когда мы вошли въ большую, прохладную залу, съ верандой, уставленной цвѣтами, отецъ приподнялъ мой вуаль и, откинувъ его назадъ, сказалъ:

— Дай на себя посмотрѣть.

Я стояла передъ нимъ въ большомъ смущеніи. Онъ взялъ мои руки, посадилъ на диванъ и началъ разспрашивать о моемъ путешествіи, о жизни во Франціи. Я разсказала ему про тебя, про твою мать... Онъ былъ въ восторгѣ отъ легкости, съ которой я объяснялась по арабски и, не спуская съ меня взгляда, полнаго отеческой любви и восхищенія, по временамъ, прерывалъ мою рѣчь такими лестными восклицаніями, что я не могла не краснѣть.

— Слушай, Мріемъ, наконецъ, сказалъ онъ,— прежде чѣмъ представить тебя семейству, мнѣ хотѣлось бы познакомить тебя съ нашими обычаями. Я предвижу, что многое у насъ покажется тебѣ страннымъ, со многимъ тебѣ трудно будетъ свыкнуться и примириться, но тѣмъ не менѣе, если только ты желаешь избавить меня отъ хлопотъ и непріятностей, ты всему этому должна безропотно покориться.

Я поспѣшила успокоить его на этотъ счетъ.

— Мнѣ хорошо знакома жизнь въ Европѣ, продолжалъ онъ,—я понимаю, какъ тебѣ трудно будетъ исполнить мою просьбу. Условія гаремной жизни покажутся тебѣ съ перваго разу тираніей, но впослѣдствіи ты съ ними свыкнешься и перестанешь находить ихъ тяжкими.

Повторивъ ему еще разъ увѣреніе въ полнѣйшей покорности, я позволила себѣ предложить нѣсколько вопросовъ о моей матери. Она умерла двадцати лѣтъ. У меня есть братъ, который воспитывался въ Англіи. Изъ словъ отца можно было вывести, что, отдаляя насъ отъ себя, онъ уступалъ вліянію своей первой жены. Женщина эта перенесла на насъ ту ненависть, которую она питала къ нашей матери.

— Пусть всѣ эти подробности сдѣлаются тебѣ извѣстны черезъ меня, а не черезъ другихъ, прибавилъ онъ. — Въ гаремахъ много сплетничаютъ и невольницы могутъ представить тебѣ дѣло въ превратномъ свѣтѣ.

Я горячо поблагодарила его за довѣріе. Онъ поцѣловалъ меня, поднялся съ мѣста и мы отправились по широкимъ, прохладнымъ галереямъ, на ту половину, гдѣ обитали его жены. Здѣсь, глазамъ моимъ представилось чрезвычайно странное и красивое зрѣлище: огромная зала, сверкающая позолотой и яркими шелковыми тканями, въ которую дневной свѣтъ пронизывается сквозь зелень и цвѣты. Тутъ было до пятидесяти женщинъ всякаго возраста, разряженныхъ въ роскошные костюмы. Я шла точно во снѣ. Вся эта публика встрѣчала появленіе господина стоя, въ неподвижномъ молчаніи; только двѣ женщины подошли къ нему, привѣтствуя его на арабскій маперъ: низко-низко наклонивъ голову, каждая изъ нихъ поочередно взяла его руку и поднесла сначала къ сердцу, потомъ къ губамъ, а затѣмъ ко лбу.

Это были жены моего отца. Старшей изъ нихъ тридцать шесть лѣтъ, но она кажется совсѣмъ старухой; цвѣтъ лица у нея желтый, болѣзненный и она еле волочитъ ноги, обутыя въ туфли. Костюмъ ея состоялъ изъ длинной лиловой шубки, подбитой мѣхомъ, изъ зеленыхъ широкихъ шароваръ и покрывала серебристаго газа, украшеннаго діадемой изъ крупныхъ брильянтовъ и низко спускавшагося на лобъ. Вторая — молоденькая. Она однихъ лѣтъ со мной, очень оригинальна и мила; глаза подкрашены и потому кажутся еще больше, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, головка маленькая, черты лица очень правильны и тонки, точно выточены изъ мрамора. Талья ея туго обхватывало розовое платье, съ низкимъ вырѣзомъ на груди и усыпанное брильянтами, шаровары шелковые, пунцоваго цвѣта, а волосы, заплетенные въ множество косъ, увѣшанныхъ дукатами, спускались на спину.

Отецъ представилъ меня имъ обѣимъ, выражая при этомъ надежду, что ихъ доброе расположеніе облегчитъ мнѣ вступленіе въ новую жизнь. Первая — Зейнабъ, врагъ моей матери и виновница моей ссылки, устремила на меня долгій и недобрый взглядъ. Вторая—Саида, очень нѣжно поцѣловала меня въ обѣ щеки.

Затѣмъ наступила очередь моихъ сестеръ, съ которыми меня знакомили по старшинству: прежде съ Оснахъ, дочерью Зейнабъ. Ей двадцать лѣтъ, она одѣта еще великолѣпнѣе, чѣмъ Саида. Пропасть драгоцѣнныхъ каменьевъ, глаза и ногти сильно подкрашены, толщины поразительной. Не взирая на ея слащавую улыбку, я чуствую, что мы не будемъ друзьями. Сестра ея, Фариде, девятнадцати лѣтъ, предстала передо мной во всемъ блескѣ рыжаго шиньона, парижскаго костюма и съ лорнеткой въ глазу. Замѣтивъ мое удивленіе, она весело засмѣялась и привѣтствовала меня по французски. Очень доброе существо. Потомъ, отецъ назвалъ мнѣ меньшихъ братьевъ и сестеръ: Сулема, Аисса, Фатьма, Картумъ и Саидъ, Ахметъ, Ибрагимъ, Фахари. Мальчики были моложе семи лѣтъ, а потому входъ въ гаремъ имъ не воспрещался. Дѣти обошлись со мной застѣнчиво, но очень ласково.

Я выдержала, какъ умѣла, всѣ эти церемоніи, и просила извинить меня, если по неопытности, нарушила который-нибудь изъ ихъ обычаевъ. На вопросъ Фариде, въ состояніи-ли я буду перенести жизнь вдали отъ Парижа, я отвѣчала, что привязанности, которыя я нахожу здѣсь, замѣнятъ мнѣ тѣ, что я теряю тамъ. Отвѣтъ этотъ заслужилъ мнѣ одобреніе отъ Зейнабъ и новый поцѣлуй отъ Саиды.

Визитъ мой длился не долго; подъ предлогомъ усталости послѣ дороги, отецъ предложилъ мнѣ распроститься со всѣми и отправиться на мою половину. Въ виду моего воспитанія у гяуровъ, мнѣ было приготовлено особое помѣщеніе, въ одномъ изъ флигелей дома съ отдѣльными службами и выходомъ въ садъ. Здѣсь я могу жить вполнѣ независимо, не отдавая никому отчета ни въ моихъ занятіяхъ, ни въ развлеченіяхъ; стеклянная галерея, уставленная высокими деревьями цвѣтущихъ камелій, отдѣляетъ мой гаремъ отъ гарема Зейнабъ и Саиды.

Едва только переступила я порогъ первой комнаты, какая-то женщина бросилась къ моимъ ногамъ.

— Это твоя кормилица, сказалъ мнѣ отецъ.

Я поспѣшила обнять ее. Тогда со всѣхъ сторонъ обступили меня невольницы. Ихъ было по крайней мѣрѣ двадцать, но мнѣ объявили, что тутъ еще не всѣ, многія не успѣли прибѣжать... А еще говорятъ, что Египетъ разоренъ!

Всѣ эти женщины преклонялись передо мной и цѣловали край моего платья.

Изъ нижняго этажа, состоящаго изъ двухъ великолѣпно-украшенныхъ пріемныхъ комнатъ, я поднялась по лѣстницѣ, выложенной мозаикой и устланной мягкимъ ковромъ, во второй этажъ, гдѣ, собственно говоря, и устроено мое гнѣздышко. Оно вмѣщаетъ въ себѣ будуаръ, спальню, комнату для Бель, туалетный кабинетъ и гардеробную. Будуаръ обитъ бѣлымъ атласомъ, и украшенъ въ самомъ тонкомъ европейскомъ вкусѣ, съ примѣсью восточной роскоши. Птицы, ароматы, чудный видъ изъ оконъ, тропическія растенія, довершаютъ впечатлѣніе, производимое счастливымъ сочетаніемъ дорогихъ тканей всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Съ потолка спускается люстра прелестной филиграновой работы, съ подвѣсками изъ персидскаго розоваго стекла, вдоль стѣны диванъ, обитый золотой парчей, полъ покрытъ горностаевымъ ковромъ, столы отдѣланы бирюзовыми инкрустаціями. Въ спальнѣ серебряная вызолоченная кровать. Это считается здѣсь большой рѣдкостью, такъ какъ всѣ спятъ на диванахъ, и Бель придется обучать моихъ прислужницъ искуству оправлять мнѣ постель. Гардеробная наполнена изящными принадлежностями восточнаго костюма изъ бархата, шелка и драгоцѣнныхъ кружевъ.

Восхищенію Бель не было границъ. Долго не могли мы оторваться отъ всѣхъ этихъ прелестей, наконецъ, налюбовавшись ими до усталости, я сошла внизъ, гдѣ меня ждалъ обѣдъ, сервированный на французскій маперъ. Арабскія лакомства, которыя мнѣ прислали изъ большого гарема, тоже пришлись мнѣ по вкусу.

Сегодняшній вечеръ я хочу посвятить тебѣ. Англійскій курьеръ отправляется только черезъ три дня, но я не могу удержаться отъ искушенія подѣлиться съ тобою моими впечатлѣніями. По временамъ, я откладываю перо въ сторону и оглядываюсь... Какъ все это странно! У моихъ ногъ сидитъ кормилица и смотритъ на меня.. глаза ея полны слезъ... Бѣдняжка! Она отвозила меня во Францію, она любила мою мать! Онѣ обѣ были черкешенки.

Бель увѣряетъ что поздно и что я должна быть утомлена отъ дороги. Мнѣ кажется, что она права. До завтра, моя дорогая.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Трудъ *).

ъ природѣ почти не существуетъ предметовъ, въ такомъ готовомъ видѣ, чтобы они могли идти прямо на удовлетвореніе потребностей человѣка. Чтобы предметы природы могли служить для удовлетворенія нуждъ — ихъ нужно переработать. Трудъ или степень переработки бываетъ иногда очень сложна и многообразна, такъ что предметъ природы въ переработанномъ видѣ не напоминаетъ ничѣмъ себя въ естественномъ сыромъ видѣ. Парафинъ, добываемый изъ торфа нисколько не похожъ на торфъ; желѣзная руда— на топоръ, ножницы, ножъ, которые изъ нея выдѣланы; разные трико, драпы, ковры, меньше всего напоминаютъ овцу или барана, изъ шерсти которыхъ они получены.

Но человѣческій трудъ безъ содѣйствія силъ природы не создалъ бы ничего, напримѣръ, работникъ, сѣющій хлѣбъ, кидаетъ только зерно въ землю, которую онъ раньше вспахалъ и выборонилъ; затѣмъ теплота, влажность и атмосфера, дѣйствуя на насѣянныя сѣмена, возбуждаютъ

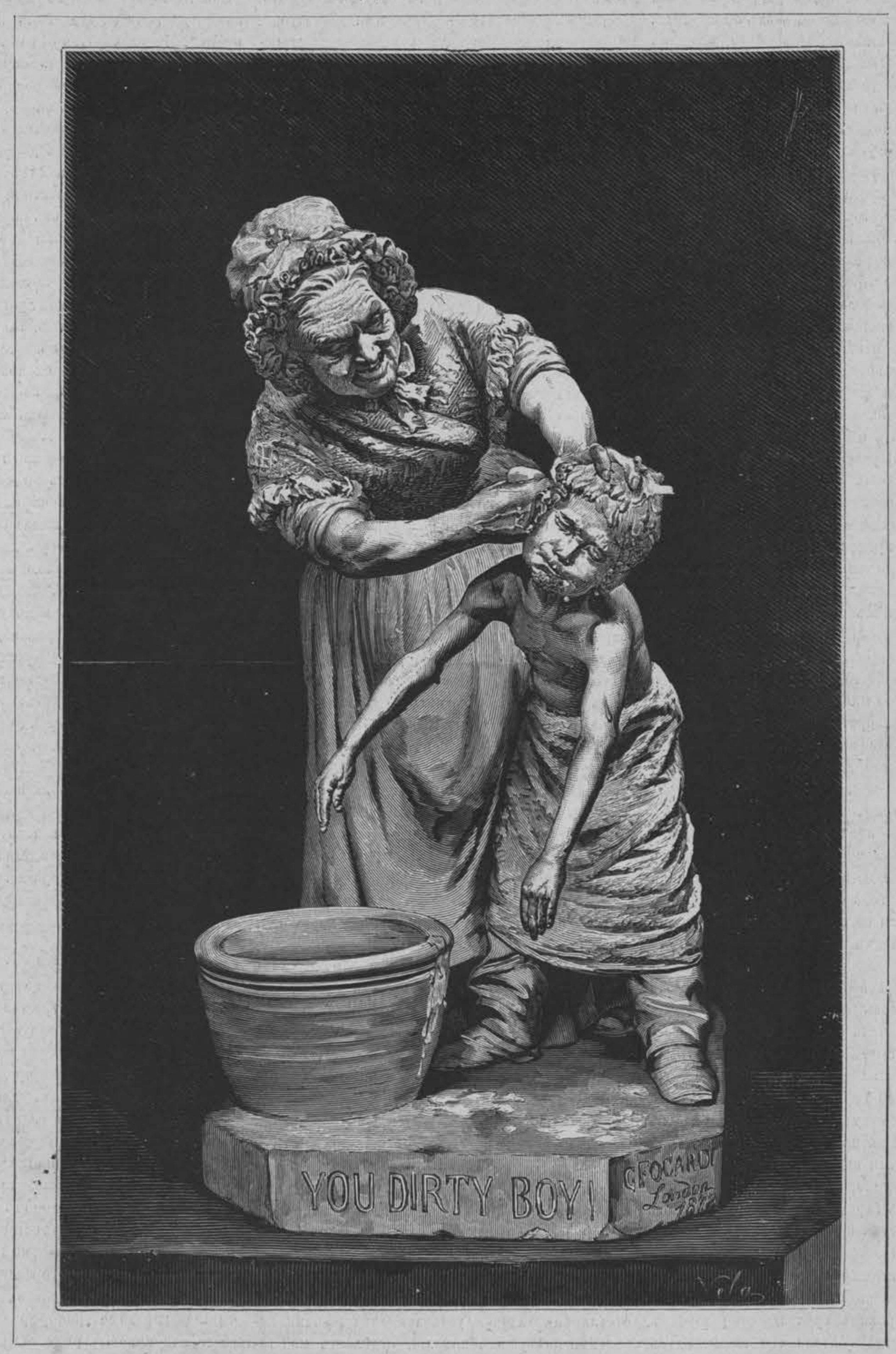
*) См. № 28, ст. «Что такое богатство».

заключающіяся въ нихъ силы природы и ихъ взаимодѣйствіемъ создается новое вещество, служащее человѣку матеріяломъ для дальнѣйшей обработки. Человѣкъ собираетъ зерно, подвергаетъ его сушкѣ, при чемъ опять дѣйствуютъ силы природы, затѣмъ сѣмя отвозится на мельницу, на которой новыя силы природы въ видѣ вѣтра, воды или пара приводятъ въ движеніе извѣстный механизмъ и зерно растирается въ муку. Или—тотъ же работникъ бросаетъ въ землю сѣмена, изъ которыхъ выростаетъ конопля, ленъ. Разными операціями, человѣкъ изъ стеблей этихъ растеній получаетъ волокно, раздѣляетъ его, свиваетъ въ нити; нити эти путемъ множества другихъ операцій превращаетъ въ ткань. Сѣмя, проростающее въ землѣ, развивалось исключительно подъ вліяніемъ силъ природы; когда тотъ же человѣкъ вздумалъ приготовлять ткани для одежды, онъ только потому ее получилъ, что природа снова предложила рядъ своихъ услугъ. Если бы сила притяженія не сдерживала частицъ волокна, сообщая имъ крѣпость, человѣку также было бы трудно приготовить изъ льна холстъ какъ приготовить его изъ песку.

Роль человѣческаго труда заключается исключительно въ томъ, что, пользуясь силами природы, онъ приводитъ ихъ въ такое взаимное отношеніе, при которыхъ они создаютъ необходимые и полезные для него предметы. Главнымъ дѣятелемъ является слѣдовательно природа, а роль человѣческаго труда ограничивается лишь перемѣщеніемъ предметовъ природы. Когда человѣкъ рубитъ дерево, онъ только отдѣляетъ его отъ иня и оно падаетъ подчиняясь закону тяжести. Топоръ или пила дѣйствуютъ на основаніи физическаго закона, по которому болѣе твердое тѣ-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ГРУППА ДЖІОВАНИ ФОКАРДИ.

Мальчикъ, котораго моютъ. Гравировано въ Барселонѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Э. ДЮБЮФА.

Венера и Адонисъ.

По фотографіи Лаптева, ретушировалъ И. Т. Михайловъ, рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

ло вытѣсняетъ болѣе мягкое. Когда человѣкъ строитъ машину, онъ только располагаетъ извѣстнымъ образомъ матеріялъ, доставляемый ему природою. Изъ куска желѣза, части котораго держатся между собою въ силу сцѣпленія, онъ приготовляетъ желѣзные листы, свертываетъ ихъ въ цилиндры, соотвѣтственнымъ образомъ измѣняетъ форму желѣза для другихъ частей машины, затѣмъ наливаетъ въ паровой котелъ воды, подъ котломъ разводитъ огонь и вода, превращаясь въ паръ, приводитъ машину въ движеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ только передвигаетъ предметы или располагаетъ иначе частицы, изъ которыхъ они состоятъ. Онъ, напримѣръ, подноситъ огонь къ топливу и оно загорается; затѣмъ эта новая сила оказываетъ человѣку массу самыхъ разнообразныхъ услугъ въ повседневной жизни и въ разныхъ производствахъ. Оказывая человѣку свои услуги, огонь, вода, паръ, дѣйствуютъ своими собственными внутренними качествами, которыхъ человѣкъ никогда не создавалъ и безъ которыхъ трудъ его былъ бы безплоденъ. Главная заслуга человѣка—въ его развивающемся умѣньи пользоваться силами природы и въ той находчивости, съ которой онъ умѣетъ заставить ихъ разнообразить свою дѣятельность.

Прогрессъ экономическаго или матеріяльнаго благосостоянія заключается исключительно въ увеличивающейся власти человѣка надъ природою. Въ первобытномъ обществѣ трудъ человѣка былъ неизмѣримо больше и напряженнѣе. Первобытный дикарь, когда онъ занялся разведеніемъ хлѣбныхъ растеній, сѣялъ ихъ въ ямки, сдѣланныя колышкомъ или просто разбрасывалъ по землѣ или клалъ сѣмена въ борозды, проведенныя тѣмъ же колышкомъ. Силы природы помогали дикарю сравнительно очень немного, и человѣку нужно было придумать цѣлую массу сельскохозяйственныхъ орудій, чтобы заставить природу развернуть свои силы въ возможно большемъ и успѣшно дѣйствующемъ количествѣ. Когда человѣкъ превращалъ хлѣбъ въ муку, разбивая зерно между каменьями, онъ пользовался очень незначительною силою природы сравнительно съ тѣми количествами услугъ, которыя онъ сталъ получать, заставивъ вертѣть жернова водою или паромъ.

Если такимъ образомъ вся заслуга человѣка заключается въ томъ, чтобы передвигать предметы природы и приводить ихъ въ то или другое положеніе и затѣмъ силами природы замѣнять силу человѣческихъ мускуловъ, то ясно, что главная задача экономическаго прогреса должна заключаться въ томъ, чтобы сократить по возможности расходъ человѣческаго мускульнаго труда и замѣнить его силами природы.

Исторія человѣческаго труда была главнѣйшимъ образомъ направлена къ экономіи силъ; но, къ сожалѣнію, цѣль эта достигалась способами не всегда выгодными для общества. Вмѣсто того, чтобы вмѣсто мускуловъ человѣка пользоваться мускулами животныхъ и силами неодушевленной природы, человѣкъ сталъ пользоваться силами человѣка и возникъ наконецъ тотъ печальный общественный порядокъ, остатки котораго существуютъ и до сихъ поръ. Этотъ порядокъ вещей назывался нѣкогда рабствомъ, потомъ крѣпостной зависимостью. Конечно, въ болѣе слабой степени, но нѣкоторые принципы того порядка отразились и въ формѣ экономической зависимости, мускульнаго работника отъ капиталистическаго производства.

Человѣчество дѣлится такимъ образомъ на двѣ неравныя части. Изъ нихъ большей, изображающей изъ себя мускульную силу, не наступила еще пора замѣнить свое мѣсто силами природы и животныхъ. Эта замѣна совершится конечно, не путемъ великодушія, а изобрѣтеніями.

Трудъ человѣка идетъ или прямо на изготовленіе извѣстныхъ предметовъ, или же служитъ той же цѣли менѣе непосредственно. Напримѣръ, когда изготовляется хлѣбъ, прямой трудъ заключается въ трудѣ земледѣльца, который создалъ зерно, въ трудѣ мельника, который превратилъ его въ муку, въ трудѣ хлѣбопека, который его испекъ. Но кромѣ этого прямого труда существуетъ масса труда косвеннаго, безъ котораго прямой трудъ былъ-бы невозможенъ. Чтобы человѣкъ могъ заняться какимъ либо дѣломъ, ему прежде всего нужна пища. Всякая страна, занимающаяся земледѣліемъ, можетъ заниматься имъ только потому, что у нея есть остатокъ земледѣльческихъ продуктовъ отъ прошлыхъ лѣтъ, которымъ работники питаются во время земледѣльческихъ работъ. И всѣ остальные работники, чѣмъ бы они ни занимались, могутъ заниматься только потому, что въ странѣ существуетъ запасъ пищи. Ясно что трудъ, употребленный на производство запасовъ пищи, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ труда вообще, ибо безъ него не былъ бы возможенъ въ будущемъ никакой другой трудъ.

Ко второму разряду труда принадлежитъ трудъ выдѣлки всѣхъ тѣхъ инструментовъ или орудій, безъ которыхъ невозможна передѣлка сыраго матеріяла природы. Орудіями считается весь классъ средствъ, дающихъ возможность осуществиться человѣческому труду. По этому къ орудіямъ нужно причислить не только все то, что служитъ для непосредственной обработки сырья, напримѣръ, инструменты, топоры, пилы, ножи, молота и т. д., но и самыя сложныя фабричныя машины, а также средства и орудія перевозки. Въ этомъ смыслѣ огонь, кремень и фосфорная спичка, служащая для полученія огня, будутъ такими же орудіями, какъ и пароходъ въ тысячу силъ, совершающій торговые рейсы изъ Америки въ Европу, или желѣзная дорога, перевозящая товары. Орудіями въ экономической наукѣ называются производительныя средства, отличающіяся продолжительностію дѣйствія и употребляемыя до тѣхъ поръ, пока они не окажутся непригодными. Напримѣръ, топливо, употребляемое при приложеніи труда, разъ сгорѣвъ, уже не можетъ быть употреблено второй разъ. Хлопокъ, разъ употребленный для приготовленія пряжи, перестаетъ быть хлопкомъ. Пряжа, употребленная на изготовленіе тканей, перестаетъ быть пряжей. Но пила, топоръ, ножъ, ножницы служатъ свою службу до тѣхъ поръ, пока онѣ не испортятся и оказываютъ услугу втеченіи всего періода своей пригодности.

Чтобы производство предметовъ потребленія могло совершаться безъ помѣхи; чтобы продукты, служащіе матеріяломъ для производства, не портились, частію отъ вліянія природы, частію отъ помѣхъ и хищничества людей, должны быть приняты разныя предохранительныя и предупредительныя мѣры. Средствомъ для осуществленія этихъ мѣръ служатъ всевозможныя промышленныя постройки, начиная отъ громадныхъ мануфактуръ и кончая деревенскимъ овиномъ. Мануфактурныя зданія строются для того, чтобы оградить матеріялъ, служащій предметомъ обработки, сберечь машины, наконецъ, чтобы дать работнику возможность безпрепятственно прилагать свой трудъ къ дѣлу. Трудъ по охраненію играетъ очень важную роль. Пастухъ, занятый исключительно пастьбою скота, есть въ сущности охранитель матеріяла для производства. Такими же экономически охранительными агентами являются полицейская и военная стража, слѣдователи, судьи, трудъ которыхъ направленъ исключительно на то, чтобы оберегать экономическую производительность человѣка.

Безъ подобныхъ охранителей экономическое спокойствіе трудящихся производителей было бы невозможно и если бы правительство не брало на себя заботъ по охраненію труда, то производителямъ пришлось бы или подвергнуться риску насилія и хищничества, или же взять самимъ охраненіе себя отъ всякихъ внѣшнихъ, мѣшающихъ случайностей.

Продуктъ, произведенный человѣческимъ трудомъ, долженъ обладать еще качествомъ доступности для тѣхъ, удовлетворенію надобностей которыхъ онъ назначается. Чтобы сообщить продукту качества доступности существуетъ цѣлый рядъ особенныхъ работниковъ. Это тѣ лица, которыя заняты переноской и перевозкой продуктовъ, напримѣръ, простые носильщики, возчики, матросы, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, строители колесныхъ экипажей, судовъ, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Кромѣ этого разряда работниковъ есть еще многочисленный разрядъ посредниковъ, облегчающихъ потребителямъ возможность получать продукты отъ производителей. Первоначально производитель являлся самъ посредникомъ между собою и потребителемъ. Но по мѣрѣ развитія экономической дѣятельности прямыя сдѣлки затруднялись, и чтобы производитель и потребитель могли входить въ непосредственныя сношенія были придуманы періодическія сходки, существующія еще и теперь между народами даже высокой культуры. Сходки эти — базары и ярмарки. Удобныя для мѣстнаго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, ярмарки и базары не представляютъ подобныхъ удобствъ для многихъ другихъ продуктовъ. Есть предметы потребленія, запасаться которыми и не всегда удобно, да и надобность въ нихъ можетъ зависѣть отъ непредвидѣнныхъ случайностей. И вотъ для удовлетворенія подобныхъ надобностей явились сначала странствующіе торговцы, потомъ и постоянные продавцы. По мѣрѣ расширенія производительной дѣятельности человѣка, класъ этихъ работниковъ, расширяясь болѣе и и болѣе, сложился въ многочисленное торговое сословіе, занимающееся посредничествомъ или по мелочамъ въ лавкахъ или же оптомъ.

Изъ всѣхъ видовъ косвеннаго труда самый важный, конечно, тотъ, предметомъ котораго бываетъ самъ человѣкъ. Человѣкъ не родится готовымъ работникомъ—онъ долженъ быть сдѣланъ имъ воспитаніемъ. Техническое или промышленное воспитаніе составляетъ важнѣйшій косвенный трудъ, ибо безъ него невозможно ни одно изъ производительныхъ искуствъ. Промышленный успѣхъ народа зависитъ отъ способностей работниковъ, отъ ихъ умственнаго и техническаго образованія. Все, что служитъ для развитія и возвышенія производительныхъ силъ и для поддержанія энергіи работника; все, что служитъ для охраненія его силъ отъ погибели и для предохраненія ихъ отъ разныхъ вредныхъ случайностей, какъ, напримѣръ, дурныя гигіеническія условія или заболѣванія — все это принадлежитъ къ разряду того косвеннаго труда, который создаетъ или сохраняетъ человѣка, какъ производительную экономическую силу. По этому всѣ работники, цѣлью занятія которыхъ служитъ человѣкъ, какъ экономическій производитель, которые возвышаютъ его умственныя средства, содѣйствуютъ возвышенію его здоровья—являются существенными агентами экономическаго прогреса человѣчества.

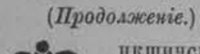
Есть еще родъ косвеннаго труда, который хотя и не содѣйствуетъ прямому полученію продуктовъ, но имѣетъ громадное вліяніе на успѣхъ труда, ибо даетъ человѣку возможность больше и больше овладѣвать силами природы и сберегать свой мускульный трудъ. Къ этому роду косвеннаго труда принадлежитъ трудъ всѣхъ изобрѣтателей, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя создали улучшенія въ производствахъ. Безъ умственнаго труда того человѣка, который придумалъ первый

разбивать зерно между двумя каменьями, не явилась бы мука. Безъ этого перваго шага былъ бы немыслимъ цѣлый рядъ такихъ улучшеній, какъ изобрѣтеніе жерновов и вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ. Открытіе дикаря, который вздумалъ тереть мягкое дерево о болѣе твердое и нашелъ средство для добыванія огня было однимъ изъ геніальнѣйшихъ изобрѣтеній. Всѣ послѣдующіе приборы, давшіе возможность разнообразнаго пользованія огнемъ, начиная съ кухонной печи и кончая доменной, не больше, какъ дальнѣйшее развитіе изобрѣтенія дикаря, добывшаго огонь изъ дерева и сложившаго простой костеръ. Изобрѣтенія Уата и Стефенсона, изобрѣтенія Морза и Эдисона не больше какъ продолженіе мысли дикаря, придумавшаго плавить и ковать металы, и первыхъ опытовъ съ громоотводами и атмосфернымъ электричествомъ.

Въ экономическомъ смыслѣ трудъ всякаго ученаго есть косвенный экономическій трудъ, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не проявляется никакимъ прямымъ вліяніемъ на производствѣ страны. Есть множество научныхъ открытій, сдѣланныхъ совершенно случайно, благодаря кабинетнымъ изслѣдованіямъ, не имѣвшимъ никакой цѣны въ глазахъ практическихъ людей. Напримѣръ, первыя наблюденія астрономовъ не имѣли по видимому никакой практической цѣли, а между тѣмъ безъ нихъ невозможно было бы мореплаваніе. Свойство магнита было открыто много раньше, чѣмъ пришла мысль воспользоваться имъ для компаса.

Такъ какъ экономическая наука занимается интересами не отдѣльныхъ лицъ, а національными и общечеловѣческими, слѣдовательно и оцѣнка значенія умственнаго элемента въ степени вліянія его на производительность труда должна быть сдѣлана съ точки зрѣнія общихъ интересовъ. Съ этой же точки зрѣнія мышленію, направленному не только непосредственно на изобрѣтенія, но и теоретическому и отвлеченому, слѣдуетъ придать громадное значеніе въ исторіи экономическаго развитія и видѣть въ немъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ косвеннаго вліянія на производительность экономической дѣятельности человѣка.

Всѣ разряды труда, которые мы перечислили, находясь въ тѣсной зависимости одинъ отъ другого, составляютъ въ цѣломъ одну общую цѣпь взаимно солидарныхъ силъ, направленныхъ къ одной общей цѣли—экономическаго благосостоянія народовъ и человѣчества.

При осадѣ Никшича.

(Ст. др-а **А. В. Щербакъ.**)

(*Продолженіе.*)

Никшичскій госпиталь расположенъ былъ близь окраины города, недалеко отъ хлѣбнаго магазина. Когда мы подъѣхали къ нему, на встрѣчу намъ вышли нѣсколько турокъ съ повязкою красной луны на плечѣ.

Между ними, судя по военной формѣ, находился и докторъ съ помощникомъ или аптекаремъ. Оба они, кажется, были греки, впрочемъ, первый смахивалъ скорѣе на итальянца. Происхожденіе ихъ впослѣдствіи осталось для меня неизвѣстнымъ, такъ какъ сначала они выдавали себя за природныхъ турокъ, а потомъ за итальянцевъ, родившихся въ Турціи и кончившихъ курсъ въ греческомъ университетѣ и т. д.

Крѣпость оказалась уже занятою тѣми черногорцами, которые находились въ передовыхъ турецкихъ шанцахъ, взятыхъ наканунѣ. Они умудрились какъ-то войдти въ крѣпость заднимъ ходомъ, черезъ маленькую калитку, скрытую большими каменьями.

Пока я занимался разставленіемъ часовыхъ кругомъ госпиталя, Дѣка выпросилъ у меня позволеніе отлучиться на короткое время, по какому-то важному для него дѣлу. Едва только покончилъ я съ разстановкою моихъ герцеговинцевъ и намѣревался идти обозрѣвать госпиталь, какъ Дѣка снова очутился предо мною съ торжествующей и самодовольной физіономіей; причиной его торжества оказался турецкій тесакъ, который онъ прицѣпилъ на свой широкій поясъ.

— Откуда досталъ ты это?.. обратился я къ нему указывая на пріобрѣтенное оружіе.

Дѣка началъ объяснять, что тесакъ далъ ему одинъ низамъ, котораго сначала онъ просто просилъ уступить его.

— Я него неколико путъ молилъ, онъ све казалъ нечу, разсказывалъ Дѣка,—па я не люто замолилъ, онъ мене одма дае *). Э! господине мои, продолжалъ онъ,—тако ли Свята Богородица треба била свакого турака посечъ, колико они сгубили црногорцевъ.

Какъ Дѣка люто молилъ низама, я отъ него не могъ допытаться.

Госпиталь состоялъ изъ длиннаго, двухъэтажнаго зданія, самого большого въ городѣ, послѣ хлѣбнаго магазина. Нижній этажъ занимала аптека, въ изобиліи снабженная разными медикаментами, хирургическими инструментами и санитарными вещами. Кромѣ того тутъ помѣщался небольшій складъ муки. Верхній этажъ состоялъ изъ трехъ большихъ палатъ, гдѣ лежали раненные и больные, и нѣсколькихъ маленькихъ квартиръ, въ которыхъ жилъ комендантъ Искандеръ-Бекъ съ семействомъ и другіе офицеры.

Положеніе раненныхъ было по истинѣ ужасно. Безъ коекъ, на соломенныхъ тюфякахъ, пропитанныхъ разлагавшимися гноемъ и кровью, и положенныхъ прямо на грязный полъ,—больные почти всѣ были поражены гангреною. Большинство ранъ кишѣло червями и распространяло нестерпимое зловоніе. Контрастомъ этой грязи и смрада служили чистые, скорбные листики, съ точнымъ обозначеніемъ ежедневно прописываемыхъ лекарствъ и пищи. Изъ 270 раненныхъ турокъ во время осады, около 180 чел. умерли отъ гангрены и гнойнаго зараженія. Требовалась немедленная дезинфекція госпиталя, тѣмъ болѣе, что походный лазаретъ д-ра Студитскаго намѣревались перевести въ Никшичъ.

Помѣстивъ раненныхъ въ частныя квартиры, оставленныя турецкими офицерами, я приказалъ моимъ герцеговинскимъ санитарамъ собрать всѣ постели съ бѣльемъ и сжечь ихъ. Распоряженіе это должно быть пришлось имъ по вкусу, такъ какъ они бросились исполнять его съ несвойственною имъ быстротою и расторопностью. Мигомъ собрали на площади большую груду госпитальныхъ принадлежностей и подожгли ихъ со всѣхъ сторонъ. Не успѣло еще пламя охватить импровизированный костеръ, какъ на него неожиданно набросилась цѣлая толпа черногорокъ и герцеговинокъ, до того времени скромно ютившихся па сосѣднемъ кукурузномъ полѣ, и началось расхищеніе. Одна хватила горящее одѣяло, другая подушку и быстро куда-то мчалась съ нею, прочія тащили тюфякъ. Герцеговинцы, неожидавшіе такого казуса, сначала стояли въ недоумѣніи, но потомъ бросились въ догонку за похитительницами, поднялся крикъ, смѣхъ... Расхищенное приволокли опять на прежнее мѣсто и, во избѣжаніе новыхъ нападеній, со всѣхъ сторонъ плотно окружили костеръ и караулили до тѣхъ поръ, пока все не превратилось въ пепелъ.

Между тѣмъ съ крѣпости раздался первый салютный выстрѣлъ изъ русскаго 4-хъ фунтоваго орудія, которое уже успѣли перекатить съ Умака. Иниціатива салюта изъ русскихъ орудій принадлежала Врбицѣ. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали другіе. Издали стала доноситься музыка все громче и громче. Ружейный грохотъ, перекатной, съ позицій, по долинѣ, съ крѣпости, на улицахъ гудѣлъ неумолкая, привѣтствуя князя, который торжественно въѣзжалъ въ завоеванный его народомъ городъ...

Тотчасъ по прибытіи въ Никшичъ, князь, въ сопровожденіи свиты и цѣлой толпы народа, отправился на Петровскія Главицы, въ христіанскую часовню, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ городъ и, пріѣхавъ въ крѣпость, приказалъ провѣрить инвентарь предметовъ, переданный ему депутаціей.

Черногорцамъ достались: 23 орудія, — изъ нихъ самымъ богатымъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ были: 6 стальныхъ, четырехъ фунт. крупповскихъ и 2 горныхъ Уитворта. Остальныя орудія состояли изъ мортиръ, гаубицъ и др. Зарядовъ было не много. Кромѣ этого 200 палатокъ, 4000 мѣшковъ муки, 3000 мѣшковъ рису, соль, сѣно, богатыя табачныя плантаціи и т. д.

Потери черногорцевъ за все время осады состояли изъ 137 убитыхъ мужчинъ, 15 убитыхъ и раненныхъ женщинъ. Снарядовъ израсходовано около 4000, изъ нихъ болѣе 600 русскихъ шарохъ. Болѣе всего черногорцы радовались пріобрѣтенію орудій: «Можно было бы вдвое болѣе потерпѣть за такую артилерію»,—говорили тобжія, съ восхищеніемъ разсматривая вывезенныя, на главную площадь, пушки.

Городъ хотя и пострадалъ, но незначительно. Правда не было почти ни одного дома, на которомъ не было бы слѣда черногорской гранаты; исключеніе составлялъ госпиталь: черногорцы не стрѣляли въ него. Всѣ же поврежденія, нанесенныя маленькими снарядами изъ горныхъ черногорскихъ орудій, были вовсе незначительны. Однѣ только русскія шарохи дали себя рѣзко почувствовать. Полуразрушенная крѣпостная башня, въ которой Гейслеръ основательно предполагалъ складъ пороха, была на волоскѣ отъ взрыва. Сложенный въ ней запасъ пороха взорвало бы, если бы продолжалась бомбардировка.

Часамъ къ 5 по полудни весь Никшичъ превратился въ оживленный базаръ. По улицамъ, на площадяхъ и у окраины города черногорцы и турки собрались цѣлыми толпами. Изъ послѣднихъ нѣкоторые еще не успѣли выселиться, другіе же порѣшили остаться. Между побѣдителями и побѣжденными шла дѣятельная торговля. Турки сбывали свое имущество: домашнюю утварь, платье, и т. п.

Сценъ насилія почти не было: все совершалось самымъ дружелюбнымъ образомъ. Только одинъ черногорецъ вздумалъ было похитить лошадь у какого-то никшичанина и даже успѣлъ на ней ускакать за-городъ, но его тотчасъ же нагнали свои же и отняли у него коня.

Нѣсколько десятковъ черногорцевъ и герцеговинцевъ красовались уже въ синихъ мундирахъ, небольшой складъ которыхъ они нашли въ одномъ полуразвалившемся домикѣ.

У кафаны, на терасѣ, усѣвшись въ кружокъ, черногорскіе артилеристы вмѣстѣ съ русскими фейерверкерами угощались взаимно пивомъ и сливовицей. Тобжіи девятифунт. орудій, обыкновенно чувствовавшіе себя по достоинству выше своихъ собратій четырехъ-фунт., сидѣли теперь рядомъ, забывъ всякія различія.

Желѣзновъ, также въ синемъ мундирѣ низама, подаренномъ ему черногорцами за особенную ловкость при наводкѣ орудія, разсказывалъ различные анекдоты, которые слушались съ большимъ интересомъ, несмотря на то, что окру-

*) Я его нѣсколько разъ просилъ, онъ все говорить не хочу, — тогда я его люто попросилъ, онъ мнѣ его тотчасъ отдалъ.

жающіе его наполовину только понимали его слова.

Вообще наши солдаты сошлись очень скоро съ черногорцами. Ихъ привычное хладнокровіе и безпечное отношеніе къ опасностямъ при отправленіи артиллерійской службы на батареяхъ, сразу расположили черногорцевъ въ ихъ пользу. Добродушіе нашихъ солдатъ, готовыхъ всегда подѣлиться чѣмъ Богъ послалъ съ товарищами, усилило это расположеніе еще болѣе. Первое время ихъ очень эксплуатировали, но потомъ, когда брать ужь съ нихъ было нечего, черногорцы стали въ свою очередь дѣлить съ ними свои скудные запасы и вообще заботиться о нихъ.

— Ужь очень берегутъ насъ, ваше благородіе, говорили мнѣ фейерверкеры, — иной разъ подымешь невзначай голову за брустверъ, а онъ это подойдетъ, да зачнетъ уговаривать по своему: «накрень главу, немай тако родить»; по ихнему значитъ: «нагни голову».

— Народъ-то храбрый, грѣхъ не сказать, объяснялъ мнѣ одинъ изъ солдатъ,—только дисциплина плоховата. Разсыпятся это и давай галдѣть, а батальонный-то еще пуще глотку деретъ, одно слово «орда».

— Голь-то какая, ваше благородіе, жалостно смотрѣть станетъ, продолжалъ разсказчикъ съ искреннимъ соболѣзнованіемъ, — и рану всякую перетерпитъ, да что и говорить, народъ какъ есть храбрый.

Для большей характеристики мнѣнія русскаго солдата о черногорцахъ, приведу нѣсколько выдержекъ изъ дневника унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка Пельгунова *), который за все время своего пребыванія въ Черногоріи находился при русскомъ военномъ агентѣ.

На обязанности Пельгунова лежали забота о лошадяхъ и хозяйство начальника; по этому случаю онъ обзавелся памятной книжкой, въ которую, на ряду съ расходами, онъ вносилъ ежедневно и свои личныя наблюденія. Впослѣдствіи онъ озаглавилъ дневникъ свой слѣдующимъ образомъ: «Разсказъ о Черногоріи, составилъ унтеръ-офицеръ и т. д.».

Дневникъ этотъ довольно однообразенъ и представляетъ скорѣе правильный метеорологическій бюлетень погоды во время войны, чѣмъ что-либо другое; но въ немъ есть и мѣста, заслуживающія вниманія. Надо принять также въ соображеніе, что писалъ это человѣкъ простой и малограмотный, подъ первымъ впечатлѣніемъ и безъ всякой претензіи на какую бы то ни было оцѣнку фактовъ, — хотя съ нѣкоторой дозой гвардейскаго гонора, и не прочь иной разъ слегка и пофантазировать.

Первое свое знакомство съ черногорцами Пельгуновъ описываетъ такъ:

«Я съ народомъ никакъ не привыкну, потому что черногорцы—Богъ ихъ знаетъ, какъ о немъ сказать, — такъ они деньги любятъ, что готовъ все исполнить, и видятъ, что я русскій, просто безъ стыда подходятъ и говорятъ: давай мнѣ денегъ». — Спросишь: "На что тебѣ деньги?» — «Я, говоритъ, сыромагу **), нечего ѣсть».—Я сперва дѣйствительно умилился, давалъ по нѣскольку, а потомъ, какъ узналъ, что они страшныя свиньи, то сталъ посылать ихъ подальше. Представьте себѣ, что онъ тебя никогда не поблагодаритъ, сколько ему ни дай, все мало; бывало, когда попросишь кого что сдѣлать, давай ему, что онъ хочетъ, если не дашь, то онъ сейчасъ плакать. Напримѣръ, купить что, корму лошадямъ или себѣ, они съ тебя, чортъ знаетъ, что сдерутъ! зеленая трава въ 15 фунт. — 1 гульд., боченокъ воды— 1 гульд. 50 крейц., и плати за бутылку 10 крейц., а такъ ни за что не выпросишь, хоть помирай и говоритъ: «Руссъ имѣетъ пары доста, треба добра платитъ, а черногорцы све сыромахи ништо нема».

«Они христіане, живутъ себѣ въ горахъ и праздниковъ Божьихъ не знаютъ, на подобіе звѣря, живетъ себѣ весь оборванный, какъ чучело, а попросишь что-нибудь сдѣлать, то онъ скажетъ: «я юнакъ, робить не могу, я иду на битку».

«А женскій полъ, это ужь право безотвѣтная скотина, хотя съ трудомъ, но она все исполняетъ, везетъ на себѣ тяжести, какъ хорошая масга (вьючная кобыла), босая по горамъ тащится, по камнямъ ноги до крови порѣжетъ, она все терпитъ. Вообще, что ни попроси, то тебѣ отвѣчаютъ: «ништо нема». Бывало, такъ съ горя ихъ переругаешь, а они только глазами хлопаютъ; видишь, что не понимаютъ, возьмешь, плюнешь и уйдешь отъ нихъ».

Въ описаніи сраженія подъ Острогомъ, онъ между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«Только-что турки вышли въ долину, тутъ ихъ черногорцы давай жарить съ обѣихъ сторонъ, турки стали бросаться то въ ту, то въ другую сторону, вездѣ черногорцы ихъ били, какъ мухъ. Турки все-таки подвигаются впередъ и жгутъ всѣ села, а черногорцы, хотя и храбро защищаютъ свои развалепныя кучи, но не могутъ, потому что турки имѣютъ свѣжія подкрѣпленія, а черногорцы всѣ до единаго на линіи огня.

«Лошадей двое сутокъ не разсѣдлывалъ и самъ съ ними отъ голоду таскался по скаламъ. Въ одномъ мѣстѣ нашелъ у жены (женщины) воду, сталъ просить, чуть не ради Бога, дай пить, — а она сперва клянется: «Боггами, нема вóды».— Я ей сталъ говорить, что ты «имашь воду». — «Има за себя, за тебя ништо нема». Что тутъ дѣлать, хоть помирай; я ей давай деньги сулить, то на силу выпросилъ, взяла сте... за бутылку 10 крейц.

«Хотя черногорцы стоятъ грудью, но не въ состояніи удержать турокъ, которые такъ и ползутъ цѣлыми кучами, жители видятъ свою гибель, заранѣе убѣгаютъ и тащатъ бѣдные свои пожитки. Всѣмъ семействомъ плетутся куда глаза глядятъ и идутъ, страшно плачутъ, видя свои кровли уже превращенныя въ пепелъ; а другіе говорятъ: «А вотъ и моя куча только загорѣлась», и отъ горя падаютъ на землю. А ты посмотришь со стороны на жителей и на турецкое ожесточеніе, которые, какъ тигры, все съ яростью раззоряютъ и жгутъ, тутъ у тебя сердце все въ клубокъ сжимается и не знаешь, чтобы сдѣлалъ надъ турками».

Событія подъ Острогомъ и также дальнѣйшія дѣйствія черногорцевъ, у Пельгунова описаны весьма смутно. Попадаются нѣсколько характерныхъ мѣстъ, но ихъ мало. Говоря о двухкратномъ подготовленіи къ штурму Чаджалицы, Пельгуновъ пишетъ: «Наконецъ, ничего не вышло, потому что воевода Петръ Вукотичъ къ этому не способны. Только они выхваляются».

Затѣмъ идутъ метеорологическія наблюденія, какъ, напр.: «Сегодня погода хорошая», или «шелъ дождь», и т. д., а также замѣтки, касающіяся непосредственно самого автора, напр.: «Я представилъ отчетъ полковнику Боголюбову и вслѣдствіе этого они мнѣ сдѣлали выговоръ», или: «Получилъ письмо съ родины, въ которомъ видно, что дома все благополучно. Я былъ этому много радъ, а съ другой стороны мнѣ было немножко неловко, потому что мнѣ пишутъ въ письмѣ, что на мое письмо было много слезъ».

Вѣроятно, въ письмѣ къ своимъ роднымъ, Пельгуновъ черезъ-чуръ расхвастался тою опасностью, которая окружала его въ сраженіи подъ Острогомъ, въ родѣ того, напр.: «Я подъ выстрѣлами турецкихъ пуль стригъ капитана Шадурскаго, доктора Щербака, греческаго д-ра Струга (т. е. Теодоруса, фамилію котораго Пельгуновъ всегда коверкалъ по своему), и съ тѣхъ поръ прославился цирульникомъ».

Импровизированная парикмахерская находилась версты три въ гору отъ боевой линіи въ долинѣ. Туда не залетала ни одна шальная пуля.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

*) Дневникъ былъ переданъ мнѣ Пельгуновымъ уже въ Россіи.

**) Сирота.

Въ Новой Гвинеѣ.

Изъ путешествія **Люи Трегана**. Переводъ **Н. М. Поль.**

(*Продолженіе.*)

Глава XVI.

Уапута, верховный жрецъ Отару, былъ человѣкъ умный, хитрый и гораздо болѣе свѣдущій, чѣмъ всѣ остальные орангопокскіе старѣйшины. Онъ понялъ, что ему прямой разсчетъ быть или казаться моимъ другомъ, и какъ только я женился, сталъ часто навѣщать меня. Однажды онъ спросилъ меня, какимъ образомъ я разговариваю съ бѣлымъ листомъ, испещреннымъ черными знаками. Я объяснилъ ему и, послѣ неподдѣльныхъ, восторженныхъ изліяній онъ сталъ просить меня, чтобы я посвятилъ и его въ это знаніе. Я охотно согласился и, для преподаванія, воспользовался тѣмъ же способомъ, какой я употреблялъ при занятіяхъ съ Лямлямъ; въ короткое время онъ выучился читать писанное и писать.

Мой новый другъ пожелалъ тогда узнать, что заключается въ листахъ, запрещающихъ убивать рабовъ и осыпалъ меня распросами о бѣлыхъ людяхъ и ихъ религіи.

— Бѣлые люди не держатъ Бога въ священныхъ рощахъ? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ; нашъ Богъ на небѣ, надъ солнцемъ и звѣздами.

— Какая нелѣпость! Надъ солнцемъ ничего нѣтъ. Гдѣ же можетъ жить вашъ Богъ? На чемъ держится его дворецъ? Какъ ты знаешь, что онъ существуетъ, если ты его никогда не видѣлъ?

— Наши книги учатъ тому, что я тебѣ разсказывалъ. Мы вѣримъ имъ.

— Развѣ книги ваши, во время какой-нибудь бури, упали съ неба, о которомъ ты говоришь? А если нѣтъ, то кто вамъ принесъ ихъ?

Я, насколько умѣлъ, отвѣчалъ на эти вопросы, которые часто очень затрудняли меня; но Уапуту не легко было убѣдить.

— Если Богъ вашъ не живетъ въ рощахъ, говорилъ онъ,—то какъ же вы можете приносить ему жертвы и золото? А если вы приносите ему въ даръ только одни слова, то кто же обогащаетъ вашихъ священниковъ, кто одѣваетъ, кто кормитъ ихъ? Если бы орангопоки не были обязаны приносить золото въ даръ Отару, они бы не боялись его и я рисковалъ бы умереть съ голоду!

Иногда мы мѣнялись ролями и я въ свою очередь распрашивалъ Уапуту. Такимъ-то образомъ я узналъ, что на сѣверъ отъ королевства Кутаръ живутъ богатыя и многочисленныя племена. Одно изъ нихъ состоитъ исключительно изъ женщинъ; онѣ допускаютъ къ себѣ мужчинъ только въ извѣстное время, разъ въ году, а въ остальное время безжалостно убиваютъ несчастныхъ, попадающихъ въ ихъ руки. Въ другой мѣстности, у жителей были такіе длинные хвосты, что, прежде, чѣмъ сѣсть, они должны вырывать для нихъ ямы. Наконецъ, племя кикъ-кикъ происходило отъ одного орангопокскаго старѣйшины, очень храбраго, но и очень жестокаго человѣка, которому, въ битвѣ копьемъ раздробило нёбо. Его удалось вылѣчить, но по выздоровленіи замѣтили, что въ головѣ его поселился злой духъ, и безъ умолку говорилъ въ ней. Всѣ стали избѣгать его; тогда онъ покинулъ Кутаръ, взявъ съ собою нѣсколькихъ женъ. Онъ поселился въ пустынной странѣ, и съ тѣхъ поръ злой духъ живетъ въ головахъ всѣхъ его потомковъ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г-ЖИ КУРІАРЪ.

Петербургъ.

Гравировано въ «Варшавской политипажнѣ», въ С.-Петербургѣ, по фотографіи **г. Лаптева,** снятой съ оригинала.

Разумѣется, было бы нелѣпо придавать всѣмъ этимъ баснямъ какое-нибудь значеніе, однакожь, я все-таки подумалъ, что въ основаніи ихъ, какъ и множества другихъ басенъ, лежитъ какой-нибудь реальный фактъ, что вскорѣ и подтвердилось: однажды въ Кутаръ прибыла депутація отъ племени, жившаго къ сѣверу, и привела съ собою невольника, захваченнаго дорогой, котораго считали кикъ-кикомъ. Я поспѣшилъ взглянуть на него. Это былъ отвратительный негръ, безобразный, самой отталкивающей наружности. При ускоренномъ дыханіи, въ горлѣ его слышался шумъ, похожій на стукъ часоваго маятника. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Я заставилъ его разинуть ротъ, осмотрѣлъ горло, оно на взглядъ ничѣмъ не отличалось, но странный звукъ продолжался. Я никогда болѣе не встрѣчалъ подобный феноменъ и не имѣлъ возможности убѣдиться, дѣйствительно-ли существуетъ цѣлое племя подобныхъ людей или несчастный дикарь составлялъ уклоненіе отъ обычныхъ законовъ природы, какія встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта. Я былъ такъ счастливъ въ эту эпоху, что почти забылъ о Франціи! Лямлямъ предупреждала мои малѣйшія желанія и я уговорилъ ее не присутствовать болѣе на королевскихъ пріемахъ, гдѣ, какъ извѣстно, женщины должны являться обнаженными. Ея отсутствіе я объяснялъ болѣзнью и, къ сожалѣнію, говорилъ правду. Мы, насколько возможно, жили уединенно; церемоніи, сопровождавшія у орангоноковъ всѣ житейскія событія, утомляли меня, а удовольствія ихъ казались мнѣ смѣшными, съ тѣхъ поръ, что я могъ наблюдать ихъ вблизи.

Они не знали танцевъ; европейскіе балы замѣнялись у нихъ такъ называемыми «шунъ-шунъ». Старѣйшины, разодѣтые въ яркія платья, и жены ихъ, совершенно обнаженныя, собирались въ большой залѣ, выстроенной нарочно для этихъ вечеринокъ. Молодыя дѣвушки не присутствовали на этихъ собраніяхъ, поэтому я долженъ былъ уступить желанію Лямлямъ, которая умоляла свести ее туда. Когда мы всѣ собрались, одинъ изъ старѣйшинъ, имѣвшій въ одной рукѣ длинную палочку, а въ другой пукъ легкихъ перышекъ, роздалъ послѣдніе мужчинамъ. Музыканты, стоявшіе въ углу залы, тотчасъ же заиграли оживленную мелодію и, при этомъ сигналѣ, всѣ мужчины, въ сопровожденіи женъ, выступили, изъ всѣхъ силъ стараясь удержать на воздухѣ ввѣренное имъ перо. Мнѣ сначала показалось очень забавнымъ смотрѣть на эту толпу женщинъ и мужчинъ, снующихъ взадъ и впередъ, дующихъ и скачущихъ съ изумительною ловкостью. Но вскорѣ это зрѣлище, довольно граціозное въ началѣ, стало смѣшнымъ и даже непристойнымъ. По мѣрѣ того, какъ какая-нибудь пара испытывала неудачу, она становилась у стѣны въ качествѣ зрителей. Возня продолжалась нѣсколько часовъ, пока на срединѣ залы осталась только одна пара, запыхавшаяся, красная, измученная, съ искаженными отъ усталости чертами лица, но все еще продолжавшая скакать и поддувать перышко.

На слѣдующій день нѣсколько женщинъ заболѣли отъ чрезмѣрнаго напряженія; узнавъ объ этомъ, я рѣшилъ никогда болѣе не позволять Лямлямъ присутствовать на этихъ шунъ-шунъ и, ничего не подозрѣвая, пріобрѣлъ своимъ отказомъ жестокихъ враговъ.

Глава XVII.

Черезъ годъ послѣ моей женитьбы рожденіе сына довершило мое счастіе. Первый крикъ ребенка вызвалъ во мнѣ странное ощущеніе. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и не дотронулся бы до него ни за что на свѣтѣ, изъ страха сломать его. Ребенокъ вышелъ хорошенькій, съ большими, кроткими глазами, какъ у его матери; но, увы, онъ былъ почти бѣлый и велико было негодованіе орангонокскихъ матронъ при этомъ открытіи! Моя бѣдная Лямлямъ была въ отчаяніи отъ ихъ замѣчаній объ ужасномъ бѣломъ ребенкѣ, которыя онѣ высказывали нисколько не стѣсняясь, пріятно-ли это или нѣтъ молодой матери. Эти неразвитыя женщины были большею частію жестоки и лишены сколько-нибудь возвышенныхъ чувствъ. Наконецъ негодованіе улеглось и подруги Лямлямъ собрались, чтобы дать имя новорожденному. Онѣ рѣшили, что мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла: но я просилъ тайно Лямлямъ назвать наше дитя Филиппомъ. Это предложеніе было встрѣчено взрывомъ дружнаго хохота. Какъ произнести такое незвучное, дикое имя? И тутъ же было рѣшено, что моего сына слѣдуетъ назвать Уокамсге.

Между тѣмъ мой мальчикъ начиналъ уже мнѣ улыбаться и я полюбилъ его всей душой. Я старался убѣдить Лямлямъ въ необходимости окрестить его, но она отвѣчала на всѣ мои объясненія:

— Зачѣмъ ты хочешь, чтобы я обливала ему лицо, когда оно совсѣмъ чисто?

Я сказалъ ей что всѣхъ бѣлыхъ людей крестятъ и что крещеніе дѣлаетъ ихъ кроткими и добрыми.

— А тѣхъ людей, которые убиваютъ другъ друга огнемъ и громомъ также обливали?

— Да, конечно.

— Я не нахожу, что они добры, и не хочу, чтобы мой Филиппъ былъ такимъ же.

Что могъ отвѣтить на это я, разсказавшій Лямлямъ о нашемъ огнестрѣльномъ оружіи и войнахъ. Я былъ самъ слишкомъ несвѣдущъ, чтобы объяснить ей всю важность моего требованія, но рѣшился во что бы то ни стало сдѣлать моего сына христіаниномъ. Меня осѣнила счастливая мысль.

— Ты знаешь, сказалъ я своей женѣ, — какимъ образомъ жизнь моя была спасена въ Ражекѣ, благодаря знаку, которымъ я размѣнялся съ Лаганкео. Точно также, если мы сдѣлаемъ Филиппа христіаниномъ и онъ попадетъ когда-нибудь къ бѣлымъ, они примутъ его, такъ какъ онъ будетъ такимъ же христіаниномъ, какъ и они.

Мнѣ удалось, наконецъ, добиться согласія жены на то, чтобы окрестить ребенка и я былъ очень счастливъ, исполнивъ это важное дѣло. Я рѣшился воспитывать его по европейски, не оставляя на произволъ рабовъ, какъ поступали всѣ орангоноки. Лямлямъ съ радостью согласилась на это, а наши пріятели выражали величайшее удивленіе, видя, что маленькій Уокамсге находится постоянно съ нами.

Увы! счастье наше было непродолжительно! Сынъ нашъ, такой же нѣжный и слабый, какъ и его мать, умеръ черезъ два года. Я на-отрѣзъ отказался послѣдовать туземному обычаю и сжечь трупъ нѣжнолюбимаго ребенка, и самъ похоронилъ его подлѣ нашего дома, въ нашемъ саду.

Въ этотъ годъ здоровье Лямлямъ постепенно ослабѣвало и я долженъ былъ убѣдиться, что бѣдная мать скоро послѣдуетъ за сыномъ.

— Не плачь, сказала она мнѣ однажды вечеромъ, — ты соединишься съ нами въ небѣ. Какъ ты думаешь, очень-ли выростетъ Филиппъ, когда я его увижу?

Я наклонился къ ней, чтобы отвѣтить. Она была мертва! Только тогда я понялъ, до какой степени я любилъ ее. Я похоронилъ ее рядомъ съ сыномъ и остался совсѣмъ одинокимъ въ Кутарѣ, потрясенный горемъ, равнодушный ко всему окружающему!

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Федоръ Федоровичъ Брандтъ.

(Ст. С. П. Глазенапа.)

Въ лицѣ Федора Федоровича Брандта наша академія наукъ утратила своего старѣйшаго члена, а ученый міръ — первокласснаго ученаго, имя котораго въ наукѣ ставится на ряду съ именами Бэра, Дарвина и др.

Ф. Ф. Брандтъ родился въ 1802 году, въ Ютербогѣ, небольшомъ саксонскомъ городкѣ. Получая первоначальное образованіе въ гимназіи родного города, онъ уже пристрастился къ естествознанію, благодаря своему дядѣ Гейнсу, который замѣтилъ въ юномъ Брандтѣ выдающіяся способности. Первая область естествовѣдѣнія, съ которою познакомился и освоился Ф. Ф. Брандтъ, была ботаника, которую онъ изучилъ не только практически, но и теоретически. Съ зоологіею онъ впервые познакомился по сочиненію Раффа, — небольшой книжкѣ, съ раскрашенными рисунками, которую онъ получилъ, какъ награду, отъ своего дяди на просмотръ. Путешествіе Гумбольдта, которое онъ получилъ въ подарокъ отъ того же дяди, возбудило въ немъ сильную страсть къ міровой наукѣ и окончательно укрѣпило его намѣреніе посвятить себя естествовѣдѣнію. Старикъ Гейнсъ съ любовью отдавался бесѣдамъ съ любознательнымъ мальчикомъ; радости и счастью не было предѣловъ, когда этотъ ребенокъ сдѣлалъ одно выдающееся научное открытіе, именно, что не всѣ растенія спаржи приносятъ плоды, что между ними есть отдѣльныя мужскія и женскія особи, и что, слѣдовательно, спаржа не можетъ быть отнесена къ тому линнеевскому классу, къ которому ее относили ботаники того времени. Естественно, что это дѣтское открытіе осталось памятно на всю жизнь, и покойный Ф. Ф. Брандтъ съ большимъ удовольствіемъ разсказывалъ этотъ эпизодъ изъ своей жизни.

По желанію отца, Брандту предстояла медицинская карьера. Онъ поступилъ въ виттенбергскій лицей, гдѣ основательно изучилъ древніе языки, и затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ въ берлинскій университетъ. Изучая здѣсь спеціально медицину, онъ не покидалъ и зоологію, и ботанику. Онъ совершалъ даже экскурсіи, сначала въ окрестностяхъ Берлина, а затѣмъ и въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ — въ Гарцѣ и Исполинскихъ горахъ. Расходы этой поѣздки были покрыты преміей, присужденной ему университетомъ за конкурсную работу о процесѣ дыханія.

Въ 1824 году, еще будучи студентомъ, онъ обнародовалъ свой первый ботаническій трудъ: «Flora berolinensis», — карманная книга, предназначенная, главнымъ образомъ, для экскурсій. Въ то же самое время онъ посѣщалъ лекціи проф. зоологіи Лихтенштейна, возбуждавшаго въ немъ сильный интересъ къ наукѣ. Онъ такъ усердно занимался ею, что проф. Лихтенштейнъ выбралъ его себѣ въ помощники. Посвящая себя зоологіи, онъ все-таки не покидалъ медицины, и тема для докторской диссертаціи, публичная защита которой состоялась 24 января 1826 г., была избрана изъ предметовъ сравнительной анатоміи.

Молодому доктору посчастливилось попасть въ асистенты къ самому знаменитому врачу того времени, старику Гейму, пользовавшемуся извѣстностью и большою популярностью. Но Брандта привлекала не медицина, а естествовѣдѣніе. Вслѣдствіе этого, онъ покинулъ свою медицинскую карьеру и поступилъ въ помощники къ консерватору анатомическаго музея берлинскаго университета. Обладая скудными средствами и получая ничтожное жалованье, онъ поддерживалъ свое существованіе учено-литературными трудами, участвуя въ составленіи статей для энциклопедическаго словаря, издаваемаго профессорами медицинскаго факультета. Въ это же время

онъ разработывалъ рукописи для капитальнаго труда «Медицинская зоологія!»

Въ 1828 г. Ф. Ф. Брандтъ поступилъ приватъ-доцентомъ въ берлинскій университетъ, а черезъ два года послѣ этого, именно въ 1830 году, по рекомендаціи Александра Ф. Гумбольдта и проф. Рудольфа, наша академія наукъ пригласила молодого ученаго въ адъюнкты по зоологіи. Въ слѣдующемъ году онъ переселился въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ его дѣятельность была всецѣло посвящена Россіи. Черезъ два года, въ 1833 г., онъ былъ уже избранъ въ ординарные академики.

Кромѣ ученыхъ занятій, Ф. Ф. Брандтъ простиралъ свою дѣятельность и на учебное поприще: еще въ тридцатыхъ годахъ онъ состоялъ инспекторомъ петербургскихъ училищъ и маріинскаго института, преобразованнаго его стараніями и переведеннаго при немъ въ нынѣ занимаемое имъ зданіе. Затѣмъ онъ былъ профессоромъ въ педагогическомъ институтѣ, до его упраздненія. Наконецъ, занималъ каѳедру ординарнаго профессора въ императорской медико-хирургической академіи, оставивъ ее въ 1869 году, съ званіемъ заслуженнаго профессора.

Ученыя заслуги Брандта доставили ему почетные дипломы многихъ ученыхъ и заграничныхъ обществъ и академій; въ числѣ ученыхъ корпорацій, удостоившихъ Брандта избраніемъ въ почетные члены, находится и парижская академія наукъ, которая въ 1870 году отдала предпочтеніе нашему ученому передъ знаменитымъ Дарвиномъ. Изъ дѣятельности Брандта въ нашей академіи наукъ слѣдуетъ указать на учрежденіе весьма полезнаго для общества зоологическаго музея. Первый публичный музей въ Россіи былъ основанъ Петромъ великимъ и названъ имъ «кунсткамерой». Въ этомъ музеѣ помѣщались всевозможныя «рѣдкости», — какъ естественно-историческія, такъ и этнографическія, техническія и пр. Въ царствованіе Екатерины II, «кунсткамера» достигла наибольшаго своего процвѣтанія. Она обогатилась, благодаря знаменитымъ русскимъ путешественникамъ того времени, въ особенности Палласа. Но послѣ Палласа музей сталъ падать, предметы зоологическаго музея пришли въ ветхость и стали негодными, такъ какъ попортились отъ моли, сырости и пр. Ф. Ф. Брандтъ приступилъ къ учрежденію музея тотчасъ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ. Онъ отобралъ изъ кунсткамеры всѣ предметы, бывшіе годными для новаго спеціальнаго музея. Ихъ оказалось очень мало: только скелеты и кости ископаемыхъ животныхъ. Первыя пять лѣтъ прошли въ собираніи предметовъ для музея и въ расположеніи ихъ, а въ 1837 г., по предложенію основателя, музей былъ открытъ для публики. Въ настоящее время музей постоянно пополняется новыми колекціями, привозимыми нашими путешественниками; излишніе экземпляры отсылаются въ иностранные музеи на обмѣнъ. Разъ въ недѣлю двери музея открыты для публики, и не требуется никакихъ формальностей для входа въ него. Ежегодно число посѣтителей увеличивается, и въ 1876 году оно уже достигло громаднаго числа 80,212 человѣкъ.

Что касается до чисто-ученой дѣятельности Брандта, то въ настоящей статьѣ нѣтъ возможности дать хотя малѣйшее о ней понятіе. Спеціалисты же хорошо помнятъ, что къ 12 января 1876 года, когда покойный праздновалъ пятидесятилѣтіе своего докторства, наша академія наукъ издала списокъ его трудовъ, и одинъ этотъ списокъ представилъ почтенную книгу. Число его ученыхъ статей и сочиненій превосходитъ 300. Такимъ образомъ, Брандтъ является самымъ плодовитымъ ученымъ нашего времени, и, безспорно, самымъ плодовитымъ изъ всѣхъ русскихъ естествоиспытателей, какъ нынѣшняго, такъ и прошлаго столѣтія. По содержанію своему, труды покойнаго академика отличаются необыкновенной многосторонностью и разнообразіемъ. Имъ опубликованъ большой рядъ работъ по анатоміи и сравнительной анатоміи животныхъ и притомъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ; онъ напечаталъ нѣсколько работъ и по микроскопической анатоміи, затѣмъ много фаунистическихъ изслѣдованій, имѣвшихъ своимъ предметомъ различныя части нашего обширнаго отечества и сосѣднія съ нимъ малоизвѣстныя страны центральной Азіи. Для полноты картины его ученыхъ трудовъ слѣдуетъ присоединить къ перечисленнымъ—работы, трактующія объ образѣ жизни, о пользѣ или вредѣ нѣкоторыхъ животныхъ, далѣе поражающую массу монографій по систематикѣ всевозможныхъ классовъ животнаго царства, многочисленныя зоолого-филологическія изысканія,—Ф. Ф. Брандтъ былъ извѣстнымъ знатокомъ древнихъ языковъ, — и, наконецъ, обширныя палеонтологическія изслѣдованія.

Ф. Ф. Брандтъ не принадлежалъ къ тѣмъ вполнѣ кабинетнымъ ученымъ, которые внѣ музея никогда не видѣли животныхъ. Какъ мы выше замѣтили, онъ въ молодости совершалъ нѣсколько экскурсій по Германіи, а въ Россіи онъ ѣздилъ на Кавказъ, для изслѣдованія мѣстныхъ рыбъ, и въ Николаевъ, возлѣ котораго нашли окаменѣлый скелетъ мастодонта. Послѣдній представлялъ весьма важную и интересную находку. Будучи командированъ академіею наукъ и благодаря просвѣщенному содѣйствію николаевскаго губернатора того времени, Б. А. Глазенапа, Ф. Ф. Брандту удалось поднять этотъ скелетъ съ полнымъ успѣхомъ и отправить его въ петербургскій академическій музей, гдѣ онъ и хранится въ настоящее время.

Едва-ли нужно прибавлять о тѣхъ наградахъ, которыми Ф. Ф. Брандтъ бытъ осыпанъ при жизни: онъ обладалъ массою орденовъ всевозможныхъ странъ и имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника. Но высшей наградой для него было, конечно, то, что ученыя корпораціи всего свѣта считали его въ числѣ своихъ членовъ, и что сами ученые называли новооткрытые виды животныхъ и растеній его именемъ.

Ф. Ф. Брандтъ скончался на 78-мъ году жизни, въ Мерикюлѣ, возлѣ Ревеля, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы съ своимъ семействомъ. Тѣло перевезено въ Петербургъ, и 9-го іюня происходили его похороны. Сослуживцы, родные и почитатели его, съ прискорбіемъ проводили покойнаго до смоленскаго кладбища, гдѣ отдали ему послѣднюю честь.

Иза.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Кофейня Соважъ.

Мы уже говорили, что Иза назначила агенту Бойе свиданіе въ одномъ изъ кабачковъ. Въ то же самое время она написала Гудару, видѣлась съ нимъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, сказала, что онъ долженъ дѣлать, и поручила ему отправиться на назначенное свиданіе вмѣсто нея.

Иза знала, чего она можетъ ожидать отъ Бойе, розыски котораго послужили къ аресту Мориса Ферана. Пока дознаніе находилось въ рукахъ Бойе, виновность Ферана не подлежала никакому сомнѣнію, но какъ только оно было поручено другому лицу, открылись факты, перенесшіе обвиненіе на Гудара. Изѣ удалось уничтожить результаты, добытые вторымъ дознаніемъ; но обстоятельства снова измѣнились и Изѣ приходилось отыскивать новые факты, подкрѣпляющіе первое дознаніе.

Прежде всего она узнала все, что можно было узнать объ отставномъ агентѣ Бойе; полученныя свѣдѣнія убѣдили ее, что сойтись съ Бойе не трудно. Вотъ почему она послала ему первое письмо. Но Гудара освободили; Бойе становился не нуженъ и Иза отправила ему второе письмо. Затѣмъ прокуроръ призналъ слѣдствіе, представленное Вершемономъ, неполнымъ; потребовалось добыть новыя улики противъ обвиняемаго, а для этого удобнѣе всего было снова принять Бойе на службу и поручить ему дополнительное дознаніе, взявъ съ него слово, что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы доказать ошибочность дознанія Гюре. Иза написала третье письмо къ Бойе и, свидѣвшись съ Гударомъ, сказала ему:

— Опасность для тебя будетъ устранена, если обвиняемаго осудятъ... но для этого необходимо, чтобы виновность его не подлежала сомнѣнію... Помоги найти новые факты, ее подтверждающіе, и ты спасенъ окончательно.

Гударъ уже не чувствовалъ никакой привязанности къ Изѣ; онъ видѣлъ, что она презираетъ его; что спасая его, она думаетъ о себѣ, но не о немъ. Гударъ, мрачный, вышелъ изъ кареты, въ которой онъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Изой. Онъ успѣлъ уже окончательно убѣдиться, что Изѣ нѣтъ никакого дѣла до него, Гудара; что она любитъ только саму себя; что у нея нѣтъ сердца, а только чувственность; что переставъ любить человѣка, она доводитъ свое равнодушіе къ нему до жестокости. Вѣроятно, во время этого свиданія, она слишкомъ явно дала почувствовать Гудару свое презрѣніе къ нему, потому что онъ вышелъ изъ кареты взбѣшенный, со стиснутыми зубами и сжатыми кулаками.

— Ты понимаешь, ты обязанъ это сдѣлать, иначе ты погибъ... у меня нѣтъ охоты спасать тебя во второй разъ, сказала она.

— Я пойду, отвѣчалъ онъ, не поднимая на нее глазъ и запирая дверцу кареты.

И онъ ушелъ не простившись съ нею.

— А, такъ вы такъ-то обращаетесь со мною, прелестная женщина! говорилъ онъ вслухъ, идя по улицѣ и сильно жестикулируя, чѣмъ обращалъ на себя вниманіе встрѣчныхъ. — Вы презираете меня, потому что я вамъ болѣе не нуженъ. И такимъ тономъ смѣешь говорить со мною ты, развратница! А! вы убиваете людей, вы—шайка висѣльниковъ. Что вамъ до того, что изъ-за васъ люди рискуютъ жизнью; вы думаете только о себѣ... Подлая развратница! Благодаря награбленнымъ деньгамъ, ты задрала носъ... ты забыла, что есть люди, знающіе, въ какой грязи ты жила... Чортъ возьми! не вынуждай ихъ выставить тебя въ настоящемъ свѣтѣ... Если мнѣ приведется погибать, погибнешь со мною и ты... Помни это. Но, чтобы со мною ни случилось, я никогда не забуду сегодняшняго разговора и наступитъ, можетъ быть, день, когда...

Тутъ онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдуетъ толпа любопытныхъ и полицейскіе агенты подозрительно смотрятъ на него: очевидно, его принимали за сумасшедшаго. Онъ замолчалъ и пошелъ скорѣе. Чтобы достигнуть Монружа, куда онъ направлялся, ему приходилось идти узкими улицами и переулками стариннаго Парижа. Наступили сумерки. Время стояло холодное, какъ бываетъ почти всегда въ концѣ осени. Когда Гударъ увидѣлъ, что за нимъ наблюдаютъ полицейскіе, онъ струсилъ и теперь каждый шумъ сталъ казаться ему подозрительнымъ. Наконецъ, онъ вышелъ въ поле; вѣтеръ дулъ рѣзкій, поднималась роса и Гударъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ. Но вотъ и Монружъ; здѣсь находится кабачекъ — цѣль его путешествія.

Наступила уже ночь, когда Гударъ подошелъ къ первому дому деревни; онъ не зналъ, куда ему идти; туманъ сгустился до того, что трудно

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1879 ГОДА.

КАРТИНА Б. КОНСТАНА.

Марокскія женщины. Рѣзалъ на деревѣ по фотографіи А. Шлипперъ въ С.-Петербургѣ.

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1879 ГОДА.

КАРТИНА АДРІЕНЪ-МАРИ.

Маленькій скряга. По фотографіи рѣзано на деревѣ въ ксилогр. завед. **А. Шлиппера** въ С.-Петербургѣ.

было различить сосѣдній домъ. Къ его счастью, ему встрѣтилась женщина, несшая на плечѣ корзину съ мокрымъ бѣльемъ.

— Сударыня, не можете-ли вы указать мнѣ, гдѣ здѣсь кофейня Соважъ, спросилъ Гударъ.

— Вотъ она, отвѣчала женщина, указывая на темную массу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

— Тамъ?

— Да, въ большомъ домѣ.

Гударъ глазами отыскивалъ большой домъ, но видѣлъ передъ собой какую-то полуразрушенную лачугу.

— Здѣсь? переспросилъ онъ, колеблясь.

— Да, отвѣтила женщина и удалилась.

Удивленный Гударъ направился къ указанному дому.

Послѣ несчастной войны 1870 года, ни деревня, ни странный кабачекъ уже болѣе не существуютъ. Во время осады Парижа пруссаками, и кабачекъ, и лачуги, составлявшія деревню, были снесены, какъ мѣшавшія оборонѣ, но въ свое время кабачекъ или кофейня Соважъ была очень любопытна и славилась въ околодкѣ.

Сперва эта лачуга была жилищемъ стараго паяца Рига Соважа, умершаго въ больницѣ. Когда Соважъ покинулъ свое жилье, оно представляло собою мрачную, грязную, но обширную берлогу. Подлѣ нея, на улицѣ, стояла вѣчная грязь; ея входная дверь была такъ низка и узка, что входить въ нее можно было только согнувшись; стѣны, сложенныя изъ барочнаго лѣса, были изборождены щелями. Преемникъ Соважа нѣсколько подправилъ разваливающееся зданіе и въ главной его части, похожей скорѣе на чуланъ, чѣмъ на комнату, открылъ кабачекъ. Публика, привыкшая звать эту лачугу домомъ Соважа или, въ насмѣшку «большимъ домомъ», окрестила и кабачекъ — кофейней Соважа.

Публика полюбила этотъ кабачекъ, во-первыхъ, потому, что въ немъ можно было поѣсть и попить за дешевую цѣну; а, во-вторыхъ—и это главное —изъ него легко можно было ускользнуть, когда полиціи приходило желаніе произвести въ немъ обыскъ и поразспросить его посѣтителей о родѣ ихъ занятій.

Было восемь часовъ вечера, когда Гударъ вошелъ въ кабачекъ. Отворившаяся дверь выпустила полосу свѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одуряющій запахъ, способный отуманить голову свѣжаго человѣка. Стойка находилась направо, а передъ нею дыра, черезъ которую влѣзали въ погребъ; на ночь трапъ опускался, но пока въ кабачкѣ находились посѣтители, онъ оставался открытымъ; дыра эта служила преградой, какъ любезникамъ, которые бы пожелали вести свое ухаживаніе за хозяйкой заведенія далѣе дозволеннаго предѣла такъ и тѣмъ почтеннымъ особамъ, которые принимаютъ чужую выручку за свой собственный кошелекъ и запускаютъ туда свои лапы. Налѣво стояло шесть столовъ; вмѣсто стульевъ, вокругъ столовъ были разставлены скамейки; стѣны сплошь были исписаны, углемъ и карандашемъ, различными надписями, большею частью, не цензурнаго свойства. Были также намалеваны рисунки, не всегда благопристойные. За прилавкомъ, въ нишѣ, были разставлены бутылки, но въ такомъ разстояніи отъ ближайшаго стола, чтобы рука шаловливаго посѣтителя не могла достать ни одну изъ нихъ.

Войдя, Гударъ тотчасъ же подумалъ: «Что за странная идея пришла Изѣ избрать это логовище для свиданія?» Кабачекъ былъ наполненъ посѣтителями. Гударъ внимательно осматривался, желая угадать того, съ кѣмъ онъ долженъ видѣться. Онъ стоялъ въ нерѣшимости, когда одинъ изъ посѣтителей всталъ изъ-за стола и подошелъ къ нему.

— Вы ищете кого-нибудь? спросилъ онъ у Гударa.

— Да.

— Скажите его имя.

— Бойе.

— Это я.

— Отлично.

— Если вы желаете, мы можемъ свободно переговорить за тѣмъ столомъ, гдѣ я сижу.

— Мнѣ все равно.

Они усѣлись за столомъ, но сперва оба чувствовали себя неловко.

— Вы знаете, вѣроятно, началъ, наконецъ, Гударъ,—о чемъ мы должны условиться?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бойе, вкрадчивымъ голосомъ и качая головой. — Нѣтъ, я знаю только, что вы должны сдѣлать мнѣ какое-то предложеніе; мнѣ обѣщаютъ значительное вознагражденіе, если я окажу услугу, какой отъ меня потребуютъ; мнѣ предлагаютъ, наконецъ, занять мое прежнее мѣсто; но все же мнѣ неизвѣстно, чего отъ меня потребуютъ. Могу-ли я узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Слѣдуетъ продолжать дѣло, начатое вами, сказалъ Гударъ, не отвѣчая на предложенный ему вопросъ; — надо доказать ошибочность дѣйствій агента, васъ замѣнившаго. Вопросъ идетъ о дознаніи по дѣлу объ убійствѣ Леи Меданъ. Вы представите доказательства отъ своего имени, какія мы вамъ дадимъ.

— Но, позвольте, замѣтилъ съ улыбкой Бойе, —дознаніе агента, замѣстившаго меня, признано ошибочнымъ самимъ слѣдователемъ, который обвиняетъ того самаго несчастнаго, котораго я арестовалъ, слѣдовательно признаетъ правильнымъ произведенное мною дознаніе. Лицо же, арестованное агентомъ, меня замѣстившимъ, найдено непричастнымъ къ дѣлу и освобождено. Болѣе мнѣ кажется, ничего и не требуется.

— Но предположите, что этотъ неправильно-арестованный желаетъ отомстить за себя.

— Онъ дѣйствуетъ неблагоразумно. Слѣдователь поступилъ легкомысленно, освободивъ его. У того, котораго обвиняютъ, очевидно, есть сообщникъ, и весьма вѣроятно...

Бойе остановился; Гударъ хотѣлъ говорить, но не рѣшался вымолвить ни слова.

— Я все-таки не вижу, продолжалъ Бойе,— чего вы желаете отъ меня.

— Между тѣмъ это очень просто, сказалъ грубо Гударъ;—мы желаемъ, чтобы, за извѣстную плату, вы исполняли для насъ то, что дѣлали для полиціи.

— Штъ! не такъ громко, сказалъ Бойе, по прежнему вкрадчивымъ тономъ; — объ этомъ именно и нельзя говорить здѣсь... Тамъ я работалъ для открытія истины, для блага общества... Во имя-ли этого-же хотите вы пользоваться моими услугами?

— Мы никогда не кончимъ, если будемъ разговаривать такимъ образомъ; мы говорили много и ничего не сказали.

— Это не моя вина; высказать свои желанія должны вы, а не я; нельзя же довѣриться тому, кого не знаешь.

— Но я-то, идя сюда, хорошо зналъ, съ кѣмъ буду имѣть дѣло. Мы знаемъ васъ; знаемъ, что вы дѣлали; вы очень хорошо извѣстны намъ, г. Бойе.

— И я также знаю васъ, г. Андре Гударъ, отвѣчалъ улыбаясь и потирая руки экс-агентъ.

Андре привскочилъ на мѣстѣ и тревожно посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Нѣсколько секундъ они оба взаимно наблюдали другъ друга и оба, хорошіе физіономисты, одновременно убѣдились, что каждый изъ нихъ имѣетъ дѣло съ продувнымъ негодяемъ. Идя сюда Гударъ полагалъ, что онъ будетъ имѣть большое преимущество надъ Бойе, какъ человѣкъ посторонній, явившійся посредникомъ въ чужомъ дѣлѣ. Онъ думалъ, что если онъ скажетъ экс-агенту: «я отлично васъ знаю, г. Бойе!» тотъ склонитъ свою голову и скажетъ: «Приказывайте, я повинуюсь!» Но вышло не такъ. Бойе отвѣтилъ ему, что и онъ очень хорошо знаетъ Гудара и отвѣтилъ такимъ тономъ и такъ пристально посмотрѣлъ на Клячу, что тотъ невольно долженъ былъ смутиться.

— Да, г. Гударъ, я знаю васъ и знаю очень хорошо. Вы жуиръ большой руки; вы знакомы со всѣми хорошенькими женщинами вольнаго поведенія. И за то, что вы презираете ихъ—и онѣ этого заслуживаютъ—и ищете въ связи съ ними только чувственныхъ наслажденій, не желая узнавать, есть-ли у нихъ душа, сердце,—васъ прозвали Клячей. Да, я хорошо знаю васъ, Андре Гударъ, по прозванію Кляча. Чтобы жить разсѣянно и наслаждаясь, необходимы деньги, а вы никогда не умѣли ихъ заработать. Я знаю, что у Леи Меданъ были денежныя бумаги и вы ихъ взяли...

Андре сперва потерялся, но, бросивъ вокругъ себя быстрый взглядъ и убѣдившись, что никто изъ публики не обращаетъ вниманія ни на него, ни на его товарища, онъ прервалъ Бойе, сказавъ:

— Денежныя бумаги, которыя вы украли!

— О, г. Андре Гударъ, отвѣчалъ экс-агентъ, улыбаясь,—къ чему произносить слово, которое я колебался употребить, говоря о васъ. Вы вынуждаете меня на грубость и я повторю вашу фразу: Лея Меданъ имѣла денежныя бумаги и вы ихъ украли.

— Послушайте, сказалъ съ досадой Андре, кусая свои усы, — бросимъ нашу манеру говорить, иначе, повторяю, мы ни до чего не договоримся.

— Вы думаете?

— Г. Бойе, кончимъ взаимные попреки.

— Я этого желаю.

— Вы сильно скомпрометированы въ дѣлѣ исчезновенія бумагъ у г-жи Пальяръ.

— Такъ-ли это?

— Вы потеряли мѣсто, вы нуждаетесь въ средствахъ для существованія; стоитъ шепнуть одно слово и васъ потребуютъ для объясненія, какимъ путемъ добыли вы бумаги, отданныя вашей теткѣ на сохраненіе.

Бойе продолжалъ улыбаться, а Гударъ все болѣе и болѣе горячился.

— Я объясню, отвѣчалъ Бойе,—что взялъ эти бумаги, будучи увѣренъ, что человѣкъ отдавшій ихъ въ залогъ, не осмѣлится придти за ними, потому что онъ ихъ укралъ.

— Вы приводите меня въ отчаяніе; скажите, желаете вы или нѣтъ, сговориться съ нами?

— Конечно, желаю, но знайте, я не допущу, чтобы мнѣ садились на шею. Вы вообразили, что можете сдѣлать изъ меня все, что вамъ угодно, потому, что вы знаете обо мнѣ то и другое. Но и я знаю о васъ кое-что, пожалуй, болѣе, чѣмъ вы обо мнѣ... О, не пожимайте плечами, г. Андре Гударъ, по прозванію Кляча; если я поступлю на службу и примусь за дознаніе, будьте увѣрены, что дознаніе агента Гюре будетъ совершенно уничтожено... Я безъ мѣста, я нуждаюсь въ деньгахъ, но вамъ не испугать меня. Вы мнѣ писали три раза; неужели вы думаете, что такой человѣкъ, какъ я, можетъ сдѣлать оплошность, не узнавъ, кто авторъ письма. Я знаю, г. Гударъ, что вы имѣете во мнѣ нужду и потому-то я могу требовать, чтобы вы относились ко мнѣ, какъ къ человѣку, отъ котораго ожидаете большой услуги.

Гударъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ ловкимъ и сильнѣйшимъ, чѣмъ онъ; онъ убѣдился, что ему не провести этого іезуита, этого Тартюфа, этого донъ-Базиліо. Онъ понялъ, что долженъ повиноваться, а не приказывать. Гударъ долго не могъ собраться съ мыслями, чтобы от-

вѣтить; его разбиралъ страхъ. Наконецъ, послѣ пяти минутъ томительнаго молчанія, онъ спросилъ тревожно:

— Что же вы желаете за это?

— Вы еще не сказали, чего требуете отъ меня, отвѣчалъ Бойе, по прежнему съ улыбкой.

Гударъ тревожно посмотрѣлъ на него и не отвѣчалъ.

— Впрочемъ, идя сюда, я уже зналъ, чего отъ меня желаютъ. Выпьемъ и поговоримъ, г. Гударъ.

Онъ налилъ стаканы, чокнулся съ Андре, выпилъ и продолжалъ:

— Вотъ ваше положеніе: васъ обвиняли въ убійствѣ Леи Меданъ; васъ арестовали... противъ васъ существуютъ важныя улики; васъ освободили, но вы опасаетесь, что въ каждую минуту могутъ явиться новые факты противъ васъ и вы снова познакомитесь съ тюрьмою.

Гударъ утвердительно кивнулъ головою, а улыбавшійся Бойе продолжалъ:

— Вы правы, г. Гударъ; прибавлю, я нахожу большимъ неблагоразуміемъ съ вашей стороны, послѣ того, что было съ вами, оставаться еще въ Парижѣ. Впрочемъ, это ваше дѣло; но все-таки вамъ лучше спрятаться и я найду для васъ подходящее убѣжище. Я членъ-основатель одного общества, которое спасаетъ и успокаиваетъ обращающихся къ нему за помощью и совѣтами... Но возвратимся къ нашему дѣлу. Вы освобождены, но пока правосудіе не найдетъ виновнаго, убійцу или вора — если будетъ доказано, что красавица Лея Меданъ окончила самоубійствомъ, — лица, на которыхъ падаетъ малѣйшее подозрѣніе, не могутъ считать себя внѣ опасности... Я васъ понимаю, г. Гударъ... Въ рукахъ правосудія находится молодой человѣкъ, противъ котораго имѣется нѣсколько уликъ. Его должны судить и вы говорите мнѣ: «Г. Бойе, вы производили дознаніе; по вашему докладу арестованъ Морисъ Феранъ; вы, конечно, убѣждены въ его виновности; сообщите намъ все, что вы знаете не въ пользу его; у насъ есть деньги и мы поможемъ вамъ отыскать новыя доказательства...

Гударъ улыбнулся; это было именно то, что онъ хотѣлъ, но не рѣшался высказать своему собесѣднику.

— Именно такъ, г. Бойе, именно такъ, сказалъ онъ.

— Однимъ словомъ, продолжалъ экс-агентъ сухимъ, дѣловымъ тономъ, — необходимо, чтобы Андре Гударъ былъ спасенъ, а Морисъ Феранъ, подъ тяжестію собранныхъ противъ него уликъ, былъ обвиненъ, что, разумѣется, гарантируетъ безопасность Андре Гудара. Не такъ-ли?

Бойе пристально посмотрѣлъ въ глаза Гудару. Тотъ опустилъ свои глаза и пробормоталъ едва слышнымъ голосомъ:

— Такъ... этого именно я желаю отъ васъ.

— А сколько дадите вы мнѣ за это? спросилъ Бойе.

— Я желалъ бы знать, сколько вы потребуете? спросилъ въ свою очередь Андре.

— Очень дорого, отвѣчалъ Бойе.—Изъ-за васъ я потерялъ почти сто тысячъ франковъ. Вѣдь эти бумаги составляютъ мою собственность.

Гударъ былъ ошеломленъ; неужели экс-агентъ вздумаетъ потребовать возмѣщенія его потери, т. е. почти сто тысячъ франковъ.

— Ну-съ, какую-же сумму вы требуете? спросилъ Гударъ.

— Я васъ избавлю отъ преслѣдованія...

— Но я намѣренъ оставаться въ Парижѣ.

— Можете; вы будете содѣйствовать мнѣ въ отысканіи уликъ противъ молодого человѣка. Въ случаѣ опасности я помогу вамъ выбраться изъ Франціи.

— Вы такимъ образомъ, обезпечите мнѣ спокойствіе.

— Вашу безнаказанность, рѣзко поправилъ Бойе. — Вы свободны и останетесь на свободѣ. Что же касается молодого человѣка, я отыщу противъ него подавляющія улики. Хотя я и не нахожусь теперь на службѣ въ полицейской префектурѣ, но у меня тамъ есть пріятели и я буду знать всегда, какъ идетъ дѣло и, въ случаѣ опасности для васъ, во время предупрежу васъ. Вамъ нужно это?

— Еще бы; вы обязаны всѣми мѣрами отстранить новое обвиненіе противъ меня...

— Всеконечно.

— За это я вамъ дамъ пять тысячъ франковъ.

— Гм! Въ видѣ задатка, сказалъ Бойе.—Когда вы ихъ выдадите?

— Завтра. Послѣ обвиненія Ферана...

— Будетъ-ли онъ обвиненъ или оправданъ, лишь бы его судили и ваша неприкосновенность къ дѣлу была окончательно признана.

— Послѣ суда надъ Фераномъ еще пять тысячъ.

— Я желаю получить десять.

— Многонько, но пусть будетъ по вашему. Съ этого дня всякая опасность для меня будетъ устранена.

— Позвольте, слѣдуетъ условливаться точно и опредѣленно. Я обезпечиваю вамъ свободу. Но если снова будетъ пущено въ ходъ обвиненіе противъ васъ, я обязанъ способствовать вашему переѣзду черезъ границу. За эту услугу я требую отъ васъ: десять тысячъ впередъ и пять въ день вашего прибытія въ безопасное убѣжище.

— Это ужасныя условія...

— Что дѣлать! отвѣчалъ съ улыбкой Бойе.— Уменьшить сумму я не могу. Я буду работать въ вашу пользу не теряя времени. Ну чтожь, вы согласны?

— Да, г. Бойе. Но не забывайте, что если меня арестуютъ и потребуютъ объясненія на счетъ денежныхъ бумагъ, я покажу, на какихъ условіяхъ я отдалъ ихъ г-жѣ Пальяръ и изъ моихъ показаній будетъ очевидно, что вы не могли получить ихъ иначе, какъ посредствомъ воровства.

— Къ чему принимать угрожающій тонъ, сказалъ Бойе, — мы сошлись въ условіяхъ и ссориться намъ не придется.

— Хорошо, выпьемъ, сказалъ Гударъ.

— Дѣло, отвѣчалъ Бойе, чокаясь съ нимъ стаканомъ.

— Завтра мы увидимся...

— Прежде всего благоразуміе. Сегодня же я отведу васъ въ домъ, гдѣ вамъ до времени надо скрываться... Надѣюсь, г. Гударъ, продолжалъ Бойе внушительнымъ тономъ,—что безпорядочная жизнь не заглушила въ васъ религіозныхъ чувствъ. Я васъ введу въ домъ религіозный; общество, основавшее его, состоитъ изъ людей набожныхъ, посвятившихъ себя служенію святому дѣлу приведенія заблудшихся на путь спасенія; тамъ царятъ спокойствіе и молитва. Понравится-ли вамъ такая жизнь?

— Не знаю, но думаю, какъ убѣжище, въ которомъ приходится скрываться, такой домъ очень хорошъ; едва-ли полиція вздумается отыскивать меня тамъ.

— Вы разсуждаете совершенно правильно. Къ тому же тамъ вы не будете слишкомъ стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ. Я подробно охарактеризую вамъ всѣхъ, съ которыми вамъ придется имѣть тамъ дѣло.

Они встали и Гударъ заплатилъ по счету. Онъ теперь совершенно успокоился; въ Бойе онъ нашелъ очень полезнаго ему человѣка. Его положеніе теперь значительно улучшилось; Иза держала въ рукахъ слѣдователя; отъ Бойе онъ могъ ежедневно узнавать, въ какомъ положеніи находится дѣло и не грозитъ-ли ему опасность. Гударъ рѣшился дорогой поговорить совершенно откровенно съ экс-агентомъ. Онъ уже собирался выходить изъ кабачка, когда три вошедшія личности заставили его снова присѣсть.

— Что съ вами? спросилъ его Бойе.

— Видѣли вы, кто сейчасъ вошелъ сюда?

— Кто же? спросилъ живо экс-агентъ.

— Полицейскій, меня арестовавшій.

Бойе посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указалъ ему Андре и, въ свою очередь, быстро опустился на скамейку.

— Молчите, сказалъ онъ,—надо, чтобы насъ не замѣтили.

Оба они положили локти на столъ и опустили головы на ладони рукъ, такъ, чтобы ихъ лицъ не было видно.

Изъ трехъ прибывшихъ личностей, одинъ былъ Гюре, его испугался Гударъ; другой былъ Пальяръ, обезпокоившій Бойе. Третій обратилъ на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей кофейни Соважъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, длинный, худой, лысый, но съ густыми бакенбардами; кожа у него была очень смуглая, глаза темные, губы толстыя и красныя, ротъ огромный, зубы черные, ноздри широкія и приподнятыя; уши приплюснутые и въ каждое изъ нихъ вдѣто по золотому кольцу огромной величины; густыя брови; выраженіе лица открытое и веселое. Когда онъ улыбался, онъ дѣлалъ ужасную гримасу, заставлявшую всѣхъ присутствующихъ невольно смѣяться, потому что во время улыбки одна щека у него надувалась, а другая вдавливалась. Хотя онъ былъ одѣтъ въ обыкновенное гражданское платье, всякій угадалъ бы въ немъ бывшаго матроса.

Когда къ нему подбѣжалъ слуга и указалъ на незанятыя мѣста за однимъ изъ столовъ, онъ добродушно замѣтилъ ему:

— Будетъ вамъ пожива! Меня мучаетъ жажда.

Бойе насторожилъ ухо, желая подслушать, что будутъ говорить интересующія его личности и до его слуха долетѣли слѣдующія слова бывшаго матроса:

— Здѣсь спалъ старый Ригъ Соважъ; а въ баракѣ, который мы сейчасъ видѣли, жила она.

Въ эту минуту слуга проходилъ мимо стола, за которымъ сидѣли Гударъ и Бойе. Экс-агентъ остановилъ его и, заставивъ его наклониться, сказалъ ему на ухо:

— Можно-ли уйти отсюда, не проходя главной дверью?

— Гм! сказалъ слуга.—А что развѣ между ними есть?

Бойе понялъ, что слуга подразумѣваетъ, нѣтъ-ли между вновь пришедшими сыщика.

— Да, отвѣчалъ онъ.

— Ну такъ мы будемъ на сторожѣ. Вы можете выйти незамѣтно черезъ маленькую дверь, что за вами.

— Благодарю, отвѣчалъ онъ, кладя на столъ монету въ 10 су.—Ускользнемъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Гудару;—они насъ не замѣтили.

Оба они ловко скользнули въ маленькую дверь. Андре хотѣлъ говорить, но Бойе остановилъ его и они прошли молча до тѣхъ поръ, пока не очутились въ полѣ.

— Гюре работаетъ, сказалъ наконецъ Бойе,— это очевидно; вѣроятно, онъ ищетъ васъ или, по крайней мѣрѣ, не теряетъ васъ изъ виду; вѣрно случилось что-нибудь новое.

— Вы думаете? спросилъ Андре тревожно.

— Судите сами, что-же, кромѣ необходимости слѣдить за вами, могло привести этихъ людей въ такое мѣсто?

— Вы полагаете, что съ самаго Парижа эти люди слѣдили за мной?

— Мнѣ кажется это очень естественнымъ.

— Агентъ Гюре—это было бы понятно, онъ меня знаетъ; но другіе кажется вовсе не агенты.

— Вы ихъ не знаете?

— Нѣтъ, я узналъ одного Гюре.

— Его я не знаю, онъ новичекъ; но младшій изъ его товарищей—сынъ женщины, которой вы отдали подъ залогъ денежныя бумаги. Видите, тутъ очевидна связь съ вашимъ дѣломъ.

— А! такъ это вашъ двоюродный братъ.

Бойе не отвѣчалъ; онъ задалъ себѣ вопросъ, что могло побудить Пальяра расхаживать въ товариществѣ съ полицейскимъ агентомъ. Ужь не назначено-ли секретное слѣдствіе надъ нимъ, Бойе? Онъ сильно встревожился, хотя и не показалъ вида, что труситъ.

— А третій, съ которымъ они пришли? спросилъ Гударъ дрожащимъ голосомъ.

— Его я не знаю. Этотъ не похожъ на агента.

— Можетъ быть, онъ изъ мѣстныхъ жителей и служитъ имъ путеводителемъ?

— Нѣтъ, повидимому, онъ никого здѣсь не знаетъ.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Вы не измѣнили своего намѣренія? спросилъ Гударъ.

— Какого?

— Отвести меня въ безопасное убѣжище.

— Будьте покойны, мы идемъ туда. Но прежде вамъ надо знать названіе учрежденія, куда вы поступите, а также придумать имя, подъ которымъ васъ запишутъ туда.

— Жду вашихъ объясненій.

— Вы будете помѣщены въ скромный домъ и найдете тамъ вѣрное убѣжище. Учрежденіе это называется: «Исправительный пріютъ для юношества, совращеннаго съ истиннаго пути»; оно управляется абатомъ Дютилейлемъ.

— А! вы помѣстите меня въ домъ, управляемый патеромъ, сказалъ, легко вздыхая, Гударъ. Онъ зналъ, что полиція, не получивъ особаго приказанія свыше, не рѣшится на обыскъ въ подобномъ домѣ.—Охотно-ли примутъ меня туда?

— Это ужь мое дѣло. Впрочемъ, поступленіе ваше въ пріютъ не противорѣчитъ установленной програмѣ его дѣятельности.

— Какъ же это? спросилъ съ удивленіемъ Гударъ.

— Очень просто.

И Бойе подробно передалъ Гудару програму дѣятельности учрежденія, управляемаго абатомъ Дютилейлемъ, причемъ научилъ его, что онъ долженъ говорить и дѣлать, живя въ домѣ этого учрежденія.

Но оставимъ ихъ бесѣдовать и возвратимся въ кофейню Соважъ.

Бойе ошибся. Гюре и его товарищи и не думали слѣдить за Гударомъ; они пришли въ кабачекъ по личному дѣлу.

Мы знаемъ уже, что Гюре, собирая въ префектурѣ свѣденія объ Изѣ, получилъ указаніе на отставного матроса Симона Рива, который и сообщилъ ему то, что уже извѣстно читателямъ. Когда же Гюре убѣдился, что душею преступленія въ улицѣ Лакюэ должна быть Иза, онъ снова отправился къ Симону. Слово за словомъ, матросъ на этотъ разъ сообщилъ, что Иза имѣла любовника, молдаванина, по имени Георгія Грегоро-Голеско. Агентъ, разумѣется, сейчасъ же вспомнилъ, что это имя принялъ Андре Гударъ, давая свое послѣднее показаніе слѣдователю. Очевидно, агентъ былъ на хорошемъ слѣду. Матросъ сообщилъ ему также, что этотъ Георгій два года тому назадъ былъ убитъ старымъ Ригомъ Соважемъ. Тогда было рѣшено, что Симонъ сведетъ агента въ тѣ мѣста, гдѣ жила Иза въ первые года своего пребыванія въ Парижѣ. Пальяръ, сильно заинтересованный разсказомъ Гюре, точно передавшимъ ему слова Симона, пожелалъ сопутствовать ему, на что агентъ охотно согласился.

Вотъ зачѣмъ эти три человѣка зашли въ кофейню Соважа. Осмотрѣвъ подробно кабачекъ, они вскорѣ вышли изъ него.

— Старый Ригъ, не представляетъ для насъ болѣе интереса, сказалъ Гюре;—будемъ продолжать нашу экскурсію.

— Пойдемъ теперь сюда, сказалъ Симонъ, указывая на баракъ, о которомъ онъ упоминалъ тотчасъ же, какъ они вошли въ кабачекъ; внутри этотъ баракъ представлялъ совершеннѣйшее разрушеніе.—Вотъ здѣсь она спала, дрянная дѣвченка. Я видѣлъ ее потомъ, когда она стала знатной дамой, но, клянусь, никогда она не была такой красавицей, какъ въ то утро, когда мы съ лейтенантомъ видѣли ее выходящей изъ... вы знаете о чемъ я говорю... Она была одѣта такъ, что можно было видѣть многое... но одежда ея стоила очень не дорого.

— Она была бѣдна?

— Вы бы ей подали мѣдную монету.

— И въ такомъ положеніи она была два года тому назадъ.

— Два не два, а три, пожалуй, будетъ вѣрно... Теперь пойдемъ сюда.

Симонъ повелъ своихъ товарищей черезъ дворъ на улицу.

— Дружище, вы завели насъ въ страшную грязь, сказалъ Пальяръ.

— Ничего, ничего, какъ-нибудь выплывемъ; не бойтесь, въ болото васъ не заведу... а черезъ канавы можно перескакнуть.

Нѣсколько минутъ они шли молча, занятые обходомъ грязи, лужъ и канавъ. Подойдя къ разрушенной хижинѣ, безъ оконъ и дверей, Симонъ остановился.

— Здѣсь, мы можемъ быть увѣрены, насъ никто не потревожитъ; здѣшніе жители не подходятъ къ этому дому изъ страха.

— Изъ страха...

— Да, здѣсь нашли трупъ Георгія Голеско; лучше сказать, остатки трупа, потому что крысы поужинали имъ.

— На этомъ мѣстѣ убитъ Голеско.

— Да, Георгій убитъ старымъ Соважемъ, о чемъ въ свое время много говорили.

— Было произведено слѣдствіе?

— Какое! Не всюду же полиціи совать свой носъ.

— Вотъ важное открытіе! вскричалъ агентъ Гюре.

— Почему вамъ такъ необходимо слѣдствіе? спросилъ матросъ.

— Тогда бы фактъ убійства былъ несомнѣненъ. А то, можетъ быть, только ходятъ слухи. Народъ болтливъ и любитъ судачить. Такъ здѣсь, вы говорите, былъ убитъ Голеско.

— Нѣтъ, Георгій былъ убитъ въ томъ домѣ, гдѣ теперь кабачекъ. Старый Ригъ притащилъ сюда тѣло. Преступленіе было открыто долго спустя, когда Соважъ былъ арестованъ, отворили дверь и нашли трупъ, на половину съѣденный крысами. Съ этого времени лачугу зовутъ «домомъ мертваго». И здѣшніе уроды, въ сущности, невѣрующіе ни въ Бога, ни въ чорта, проходя мимо этого дома, непремѣнно крестятся.

— Необходимо собрать самыя положительныя свѣденія объ этомъ убійствѣ. Если мы докажемъ, что Георгій Голеско умеръ здѣсь три года тому назадъ, то человѣкъ, въ настоящее время назвавшійся его именемъ, будетъ объявленъ обманщикомъ. Мы-то знаемъ, что онъ назвался чужимъ именемъ, но для суда необходимы неоспоримыя доказательства.

— Если хотите, сказалъ Симонъ,—возвратимся въ кабачекъ—у меня пересохло въ горлѣ и надо промочить его,—тамъ я разскажу вамъ все, какъ видѣлъ самъ.

— Вы видѣли?

— Да, я видѣлъ конецъ...

— Пойдемте скорѣе и разскажите намъ.

— Поспѣемъ, у насъ много времени.

И всѣ трое возвратились въ кабачекъ и усѣлись у стола; занятые своимъ дѣломъ, они не замѣтили, что вокругъ нихъ тотчасъ же стало пусто; слуга передалъ обычнымъ посѣтителямъ свѣденіе, полученное отъ Бойе. Осушивъ «добрый стаканчикъ» Морисъ началъ слѣдующій разсказъ:

— Прежде всего я долженъ сказать вамъ коечто о Георгіѣ Голеско. Онъ былъ любовникомъ Изы, котораго она любила гораздо болѣе, чѣмъ другихъ своихъ обожателей, что, однакожь, не помѣшало ей требовать, чтобы онъ уѣхалъ изъ Парижа, когда онъ сталъ помѣхой въ ея дѣлахъ. И самъ Георгій, испытывавшій тогда чахотку въ карманѣ, желалъ побывать на родинѣ. Надобно сказать вамъ, что всѣ эти паяцы, гнѣздящіеся въ здѣшнихъ лачугахъ, проводятъ тутъ только зиму, а какъ настанетъ весна и потянутся они въ разные концы свѣта: запрутъ они наглухо окна, заколотятъ двери и деревенька почти совершенно пустѣетъ. Здѣшняя деревушка, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, почти сплошь населена комедіантами, гимнастами, уродами, показывающими себя за деньги, и тому подобнымъ бродячимъ людомъ. Въ тотъ годъ разошлись всѣ, за исключеніемъ стараго дикаря Рига и Георгія, который долженъ былъ получить съ Рига свою часть добычи и уѣхать, но старый грѣшникъ хотѣлъ оставить себѣ все, что пріобрѣлъ вмѣстѣ съ товарищемъ, обдѣлывая какое-то очень темное дѣло. Оба они были настоящіе висѣльники и, очевидно, между ними должна была произойти драка за добычу. Въ одинъ вечеръ—мнѣ нѣтъ нужды разсказывать вамъ о моихъ дѣлахъ—я пришелъ сюда, чтобы свести счеты съ мошенникомъ Ригомъ. Подхожу къ дому и вижу стараго чорта въ баракѣ; онъ расхаживаетъ съ фонаремъ въ рукахъ. Надо вамъ сказать, что я долженъ былъ заставить этого негодяя отправиться со мной. Я зналъ, что добромъ его не урезонишь; слѣдовало сперва захватить его; разъ въ моихъ рукахъ, онъ не отвертѣлся бы отъ меня. Я спрятался въ темномъ углу двора и жду. Плутъ ходитъ по бараку и будто что-то ищетъ. Вдругъ, подойдя къ выходной двери, онъ видитъ, что кто-то загородилъ ему дорогу. Онъ поднялъ фонарь и узналъ Георгія.

— «Время намъ разсчитаться, Соважъ, сказалъ Георгій;—давно уже пора.

«Мнѣ это было на руку; пусть они дерутся, подумалъ я, оба они стоятъ другъ друга; оба годны только для гильотины. Я притаился въ своемъ темномъ углу и жду, чѣмъ-то кончится комедія... Чѣмъ вмѣшиваться въ драку, лучше пусть волки перегрызутся между собою. А то чего добраго, они оба накинулись бы на меня...»

Матросъ пріостановился и сталъ потихоньку, съ наслажденіемъ, смаковать вино.

— Что же дальше? спросилъ Гюре, живо заинтересованный разсказомъ.

— Терпѣніе, чего спѣшить, отвѣчалъ Симонъ и продолжалъ:—Старый Ригъ загасилъ фонарь. При этомъ онъ отошелъ нѣсколько въ сторону, такъ что мнѣ онъ сталъ менѣе видѣнъ; Георгій же выставился передо мной всѣмъ своимъ туловищемъ. Хотя было темно, но глаза мои привыкли къ темнотѣ и я все видѣлъ.

— «Ригъ, ты хочешь меня ограбить, сказалъ молдаванинъ;—отдай мнѣ мою часть и я тебя не трону.

— «У меня нѣтъ твоей части, отвѣчалъ старый мошенникъ.

— «Говорю тебѣ, Ригъ, отдай мои деньги, или тебѣ болѣе не жить.

«Старый разбойникъ скользнулъ въ уголъ; своими кошачьими глазами онъ замѣтилъ, что Георгій держитъ въ рукѣ револьверъ.

— «Большой ты глупецъ, Георгій, если пришелъ ссориться со мною, старымъ Ригомъ.

«Старая сова прекрасно видѣла въ темнотѣ; видя, что молдаванинъ или, правильнѣе, молда-

ванскій цыганъ поднялъ руку по направленію его голоса, Ригъ скользнулъ въ сторону.

— «Согласенъ ты отдать мнѣ мои деньги? снова спросилъ Георгій.

«Разбойникъ Соважъ вытащилъ изъ-за пояса огромнѣйшій ножъ, въ родѣ мясничьяго, и скользнулъ позади великана Георгія. Чтобы обмануть своего противника, онъ бросилъ фонарь въ уголъ, который только что оставилъ. Цыганъ поддался на эту хитрость, онъ выстрѣлилъ по направленію шума; въ тоже время негодяй Ригъ всадилъ свой ножъ въ спину бѣднаго гимнаста, который хотѣлъ повернуться, но упалъ лицомъ на землю. Ригъ отыскалъ фонарь, зажегъ его, и сталъ разсматривать свою работу».

— И вы не тронулись съ мѣста? спросилъ Пальяръ.

— Экой вы прыткій! Чего мнѣ было вмѣшиваться? Старый негодяй не стоилъ ни сантима, да и за молодого нельзя было дать дороже. Соважъ очистилъ карманы своей жертвы и захватилъ бумаги.

— Это важная подробность, которую надо помнить, сказалъ Пальяръ.

— «Вы правы, мой малютка. Взявъ бумаги, старый разбойникъ, который ни съ кѣмъ не любилъ говорить, за то любилъ разговаривать самъ съ собою, сказалъ: «Всѣ знаютъ, что онъ въ дорогѣ; никому не придетъ желанія отыскивать его». Потомъ, взваливъ трупъ на плечи, онъ потащилъ его къ маленькому бараку, на который я вамъ указывалъ. «Онъ теперь безоруженъ», подумалъ я, и послѣдовалъ за нимъ. Когда онъ нагнулся, чтобы положить трупъ, я нанесъ ему кулакомъ такой ударъ въ голову, что ошеломилъ его. Онъ упалъ на землю; я насѣлъ на него, связалъ ему руки и зажалъ ему ротъ, чтобы онъ не могъ кричать о помощи. Ахъ! еслибы вы видѣли его. Вскорѣ онъ пришелъ въ себя, зарычалъ отъ бѣшенства, сталъ отбиваться; я хохоталъ отъ души, видя его безсиліе.

— «Что чортова образина! сказалъ я.—Славно я тебя обработалъ. Рычи сколько хочешь, я тебя такъ скрутилъ, что тебѣ не вырваться. Кажется, я ничего не поломалъ у тебя; я, братецъ ты мой, мастеръ завязывать всякіе узлы.

«Старый разбойникъ не потерялъ голову; онъ попросилъ меня запереть дверь», закончилъ Симонъ свою исторію.

Потомъ, поднявъ стаканъ, онъ прибавилъ:

— Таковъ былъ конецъ верзилы Георгія Голеско.

Гюре внесъ замѣтки въ свою записную книжку.

— Теперь мы знаемъ довольно, сказалъ онъ;—наше дознаніе окончено; завтра я потребую, чтобы меня выслушалъ слѣдователь; если же онъ откажется, я обращусь въ газеты.

— Все отъ бабы, сказалъ матросъ;—я знаю на что способна та, которую мы оба имѣемъ въ виду.

— А имѣете-ли вы что-нибудь противъ нея, кромѣ подозрѣній, которыя явились у васъ во время продажи ея имущества? спросилъ Пальяръ у Гюре.

— У меня есть выписка изъ книги въ префектурѣ, которая даетъ мнѣ поводъ не стѣсняться съ этой женщиной; свѣденія о ней, добытыя этимъ путемъ, отлично дополняютъ тѣ, которые вы мнѣ передали, сказалъ Гюре, обращаясь къ Симону.

— А какъ красива эта разбойница, мои милые дѣти! сказалъ Симонъ.

Гюре открылъ замѣтку въ своей записной книжкѣ и прочиталъ слѣдующее:

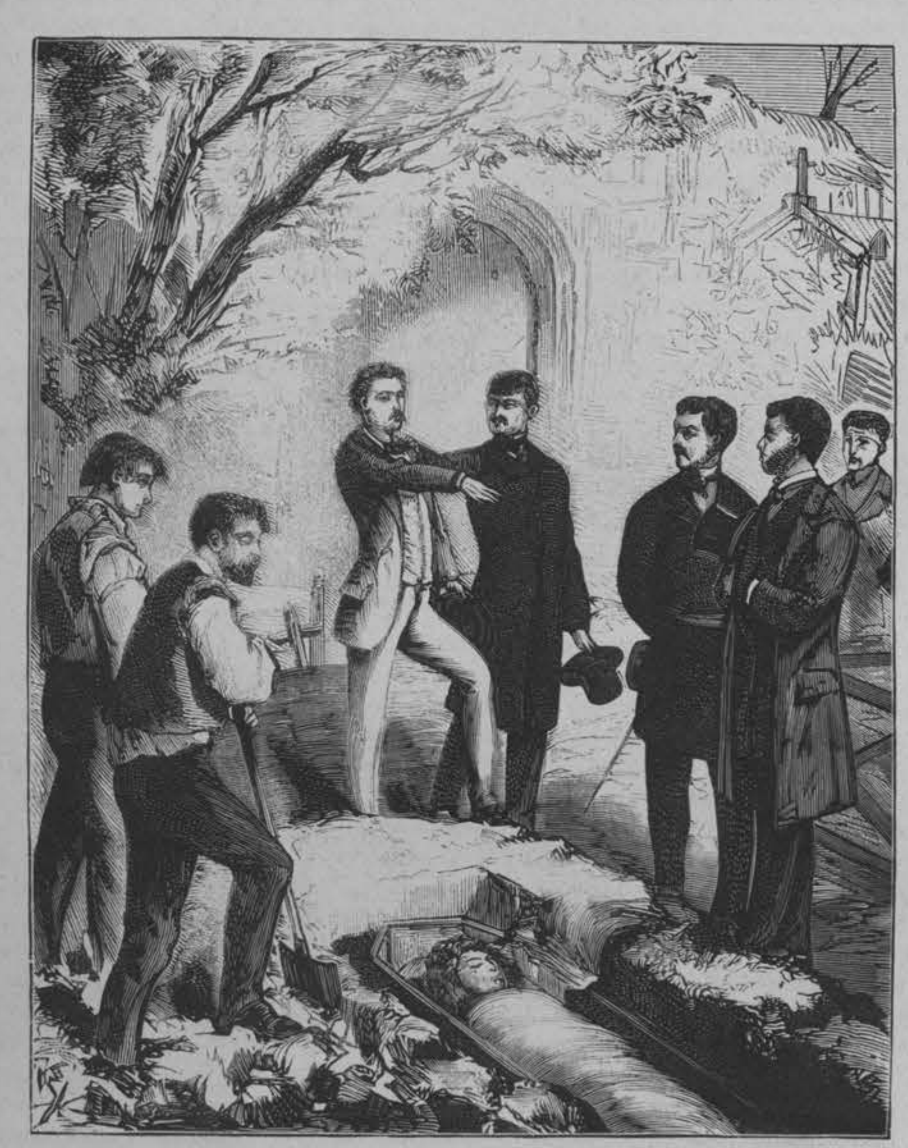
«Она родомъ бѣдная цыганка, принадлежавшая къ труппѣ бродячихъ цыганъ, которые грабили деревни во время послѣдняго возстанія. Благодаря своей поразительной красотѣ, которой она превосходила всѣхъ своихъ товарокъ, она постоянно жила съ главами шайки. Нравственность ея стояла на самой низкой степени. Разъ, въ одной деревнѣ, гдѣ солдаты производили свирѣпую расправу и съ жителями и съ забредшей сюда труппой цыганъ, Изу, почти обнаженную и избитую, увидалъ, именующій себя графомъ, Зинтскій и, какъ очень красивую женщину, сдѣлалъ ее своей любовницей. Привыкшая къ грязи и бродяжеству, Иза съ трудомъ переносила свое новое положеніе и вскорѣ вступила въ связь съ цыганомъ, по имени Георгіемъ Голеско, судившимся за воровство и покушеніе на убійство. Она убѣжала съ нимъ».

— Да, съ такой особой нечего церемониться, сказалъ Пальяръ.

— Завтра же я начну дѣйствовать, рѣшилъ Гюре.

И, выпивъ по стакану вина, трое собесѣдниковъ вышли изъ кабачка и направились въ Парижъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(Къ роману «Иза». Ч. II. Гл VIII. См. № 15 Жив. Об.) — Клянусь! Я не знаю этой женщины.

Аналогіи въ жизни растеній и животныхъ.

(Ст. Л. М. Невольскаго,

Два главные типа органическихъ существъ—растеніе и животное—имѣютъ между собою много общаго и тождество ихъ признаковъ выступаетъ тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ ниже стоитъ извѣстное животное или растеніе въ общей лѣстницѣ организмовъ. У крайнихъ группъ растительнаго или животнаго царства ихъ рѣзкія типическія особенности дѣлаютъ аналогію болѣе трудною; но эти особенности блѣднѣютъ и стираются по мѣрѣ того, какъ мы, въ своихъ наблюденіяхъ, опускаемся по ступенямъ лѣстницы организмовъ. Впрочемъ, за послѣднее время, трудами различныхъ ученыхъ, собрана масса новыхъ данныхъ, благодаря которымъ научныя истины, формулированныя реформаторомъ естествознанія Чарльзомъ Дарвиномъ, стоятъ передъ нами во всеоружіи фактовъ, а проведеніе аналогіи между двумя органическими царствами, необходившееся прежде безъ помощи болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ, вступило теперь на путь точнаго изслѣдованія. Пользуясь блестящей лекціей Фрэнсиса Дарвина въ London Institution мы остановимся лишь на самыхъ выразительныхъ аналогіяхъ, соотвѣтственно объему и характеру популярно-научной статьи.

Какъ яйцо животнаго, такъ и сѣмя растенія состоятъ изъ зародыша молодого организма и запаса питательныхъ веществъ, постепенно потребляемаго развивающимся зародышемъ. Сѣмя, напр., мака состоитъ изъ молодого растеньица, окруженнаго запасомъ углеводородистыхъ и азотистыхъ соединеній и этотъ магазинъ запасовъ потребляется прозябающимъ растеніемъ точно также, какъ потребляется желтокъ яйца зародышемъ цыпленка. Другія сѣмена, какъ горохъ, желудь, миндаль, на первый взглядъ какъ будто состоятъ только изъ молодого растенія, безъ всякаго пищеваго запаса. Двѣ половинки гороха суть первые листки или сѣмядоли молодого растенія, тогда какъ стебель и корешокъ зародыша представляются въ видѣ маленькаго стержня, расположеннаго между обѣими половинками въ одномъ изъ концовъ сѣмени. Въ зернахъ подобнаго рода пищевые запасы помѣщаются въ самомъ растеньицѣ, подобно тому какъ у многихъ молодыхъ животныхъ эти запасы сосредоточены въ слоѣ жира. Сравнительно большія сѣмядоли гороха наполнены питательными веществами и играютъ ту-же роль, какая въ сѣмени мака лежитъ на запасахъ, собранныхъ внѣ зародыша. Новѣйшія изслѣдованія показали, что зародышъ растенія обладаетъ способностями, которыя можно бы было считать совсѣмъ невѣроятными, если бы они не были провѣрены опытомъ. Горупъ-Безанецъ, извѣстный нѣмецкій химикъ, въ прорастающихъ сѣменахъ вики нашелъ ферментъ, похожій на ферментъ желудочнаго сока животныхъ и играющій ту-же роль—преобразователя пищевыхъ веществъ въ формы, наиболѣе удобныя для ассимилированія ихъ тканями организма. Другой натуралистъ Фан-Тигемъ констатировалъ даже возможность

искуственнаго вскармливанія растительнаго зародыша: онъ вынималъ изъ сѣмени зародышъ растенія ялапы (Mirabilis jalapa) и кормилъ его искуственнымъ образомъ, доказавъ этимъ, что переваривающій ферментъ есть такой же продуктъ растенія, какъ ферментъ желудочнаго сока есть продуктъ желудка животныхъ.

Итакъ судьба пшеничнаго зерна одинакова, будетъ ли оно съѣдено въ сыромъ видѣ, или въ видѣ хлѣба, или же, наконецъ, проростетъ въ полѣ, гдѣ оно точно также будетъ съѣдено молодымъ растеньицемъ.

Какъ въ жизни растеній, такъ и животныхъ весьма важна способность накопленія пищевыхъ матеріаловъ и потребленія ихъ по мѣрѣ надобности; и какъ въ зернѣ растенія потребленіе это совершается при участіи фермента, точно также весьма правдоподобно, что и всякое потребленіе пищи у растеній совершается благодаря ферменту. Въ этомъ случаѣ кажется, что провариваніе пищи въ кишечномъ каналѣ животныхъ или на поверхности листьевъ, такъ называемыхъ, плотоядныхъ растеній, представляется лишь болѣе специальнымъ проявленіемъ общей способности, которая могла существовать у простѣйшихъ предковъ.

Животныя различаются между собою уже въ самомъ процесѣ развитія ихъ зародыша. Молодой кенгуру родится сравнительно мало развитымъ и только пассивно можетъ существовать въ сумкѣ матери, тогда какъ ягненокъ сейчасъ-же послѣ рожденія можетъ вести жизнь вполнѣ активную. Дитя проходитъ длинный періодъ безпомощности, а цыпленокъ, оставивъ яичную скорлупу, начинаетъ бѣгать и клевать кормъ. Эти контрасты имѣютъ аналогіи и въ растительной жизни. Зрѣлый плодъ болотнаго растенія ризофоры (Rhisophora mangle) остается прикрѣпленнымъ къ родительскому экземпляру болѣе или менѣе продолжительное время и въ этомъ состояніи начинаетъ проростать; корни молодого растеньица опускаются все ниже къ водѣ и материнское растеніе тогда только оставляетъ своего потомка, когда послѣдній хорошо укоренится въ илѣ. Такая особенность въ проростаніи плодовъ ризофоры обусловливается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что молодые экземпляры этого растенія, проростая на болотистой почвѣ, постоянно смываемой водою, начинаютъ жизнь при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ борьбы за существованіе. Тотъ же стимулъ замѣшанъ въ жизни слабаго ребенка, такъ какъ чѣмъ сложнѣе и враждебнѣе условія жизни, тѣмъ въ большей степени существованіе дитяти зависитъ отъ его родителей.

Если съ проростаніемъ ризофоры сравнить начальную жизнь сѣмени табаку, то здѣсь вся помощь, оказываемая материнскимъ экземпляромъ проростающему табачному сѣмени, ограничивается лишь накопленіемъ небольшаго пищеваго запаса, который потребляется на образованіе первыхъ листковъ; во всемъ прочемъ молодое растеніе предоставляется самому себѣ и сразу обрекается на тяжелый трудъ перерабатыванія угольной кислоты атмосферы въ крахмалъ, весьма важный для питанія растеній. Въ этомъ отношеніи молодая табачная поросль похожа на гусеницу, развивающуюся въ яичкѣ, но обреченную съ самаго рожденія на свѣтъ на совершенно самостоятельное существованіе.

Молодые животные организмы, будучи до извѣстной степени независимыми, все таки въ значительной мѣрѣ нуждаются въ помощи родителей. Цыпленокъ можетъ, правда, клевать кормъ, но нуждается въ согрѣваніи, руководствѣ и охраненіи со стороны насѣдки. Аналогичные примѣры этому представляютъ и растенія. Такъ доказано, что для развитія бобоваго сѣмени вовсе не нужно всего пищеваго запаса, накопленнаго въ сѣмядоляхъ. Совершенно здоровыя и нормально развитые сѣянцы выростаютъ изъ сѣмянъ, лишенныхъ значительной части сѣмядолей,—ибо накопленные въ нихъ запасы играютъ двойную роль въ хозяйствѣ растенія: вопервыхъ, доставляютъ потребное количество образовательнаго матеріяла и, во вторыхъ, оберегаютъ молодое растеніе въ борьбѣ за существованіе, доставляя ему пищу до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается способнымъ къ самостоятельному добыванію пищи. Мнѣніе это фактически подкрѣплено Чарльзомъ Дарвиномъ, который, желая наблюдать борьбу за существованіе, посѣялъ въ траву различныя сѣмена, при чемъ оказалось, что горохъ и бобы выросли очень хорошо, тогда какъ прочія растенія погибали вслѣдъ за ихъ проростаніемъ.

И такъ молодой горохъ избѣгаетъ гибели въ борьбѣ за существованіе лишь благодаря заботливости материнскаго растенія, накопившаго въ сѣмени достаточный пищевой запасъ. Точно также нѣкоторыя рыбы долгое время сохраняютъ пузырекъ съ запасомъ желтка и свободно плаваютъ, таская всюду съ собою этотъ магазинъ пищевыхъ веществъ. Дубъ также служитъ хорошимъ примѣромъ организма, пользующагося долгое время питательными запасами, ибо молодой дубъ, имѣющій уже стебелекъ и нѣсколько листьевъ, всетаки иногда сохраняетъ скрытый подъ землею желудь съ неисчерпаннымъ еще пищевымъ запасомъ.

Сравнивая растенія съ животными легко замѣтить разницу отношенія, въ какомъ находится благосостояніе расы къ благосостоянію недѣлимаго. Въ растеніяхъ особенно выдвигается тотъ фактъ, что цѣлью существованія особи служитъ увѣковѣченіе рода. Растенія по преимуществу занимаютъ насъ своими цвѣтами и плодами, т. е. органами, служащими для обезпеченія благосостоянія расы. У животныхъ же на первомъ планѣ стоятъ ихъ движенія, сопряженныя главнымъ образомъ съ потребностями индивидуума, и хотя растенія не абсолютно лишены движеній, все-таки способность эта у большинства животныхъ развита хорошо, у растеній же въ весьма слабой степени. Вотъ почему ребенокъ, затрудняющійся опредѣленіемъ природы какого-нибудь, положимъ, черешка, который ему можетъ казаться и черешкомъ, и гусеницей, руководствуется въ своемъ сужденіи лишь тѣмъ критеріемъ, который онъ получаетъ, коснувшись сомнительнаго предмета: если предметъ уходитъ отъ прикосновенія, то ребенокъ сейчасъ же зачисляетъ его въ царство животныхъ.

Большинство растеній отличается отсутствіемъ способности перемѣнять мѣсто, — способности прямо противоположной простому движенію. Это различіе растеній отъ животныхъ выясняется при болѣе близкомъ знакомствѣ съ жизнью организмовъ, прикрѣпленныхъ къ данному мѣсту и свободно переходящихъ съ мѣста на мѣсто. Первые живутъ или въ водѣ, или чужеядно на растительныхъ и животныхъ тканяхъ. Въ обоихъ случаяхъ отсутствіе способности перемѣнять мѣсто имѣетъ одинаковое значеніе. Многіе изъ водяныхъ животныхъ питаются мельчайшими органическими частицами, которыя постоянно приносятся къ нимъ водою, паразиты же извлекаютъ пищу изъ соковъ тѣхъ организмовъ, на которыхъ они живутъ; слѣдовательно и тѣ, и другіе не нуждаются въ тѣхъ движеніяхъ, которыя необходимы прочимъ животнымъ для отыскиванія пищи. Съ этой точки зрѣнія растенія могутъ быть названы паразитами земли, изъ которой они извлекаютъ питательные соки, а съ другой стороны питательные матеріялы, въ видѣ угольной кислоты, доставляются имъ воздушными теченіями атмосферы. И такъ растенія уподобляются водянымъ и чужеяднымъ животнымъ и по отношенію къ добыванію пищи вовсе не страдаютъ отъ отсутствія въ нихъ способности перемѣнять мѣсто.

Но эта способность была бы и для многихъ молодыхъ животныхъ безполезной, если бы рожденіе ихъ произошло въ несоотвѣтствующемъ ихъ потребностямъ мѣстѣ. Весьма печально было бы, напримѣръ, положеніе гусеницы, если бы она, по выходѣ изъ яичка, сейчасъ же не нашла себѣ соотвѣтствующей пищи. Необходимость кладки яицъ въ надлежащемъ мѣстѣ влечетъ за собою такую же необходимость мѣстоперемѣнныхъ движеній для родительскаго экземпляра. У растеній эта необходимость удовлетворяется нѣсколько иначе, такъ какъ сѣмена ихъ въ большинствѣ случаевъ переносятся съ мѣста на мѣсто различными посторонними факторами. У однихъ растеній сѣмена имѣютъ пушистые придатки, благодаря которымъ могутъ переноситься вѣтромъ; сѣмена другихъ растеній, помощью особыхъ крючковъ и прицѣпокъ, впиваются въ платье проходящихъ людей и шерсть животныхъ; третьи, будучи проглочены птицами, переносятся ими на большія разстоянія и непереваренными извергаются наружу и т. д. Ясное дѣло, что, довѣрившись такимъ случайнымъ переносителямъ, сѣмя не всегда доставляется ими въ такое мѣсто, гдѣ бы оно могло найти всѣ условія, необходимыя для своего существованія, и этимъ именно объясняется, почему растенія даютъ обыкновенно такъ много сѣмянъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

КЪ РИСУНКАМЪ.

Петербургъ. Среди немногихъ русскихъ женщинъ-художницъ весьма видное мѣсто занимаетъ госпожа Куріаръ, картины которой все чаще и чаще стали появляться на нашихъ и иностранныхъ выставкахъ. Госпожа Куріаръ — пейзажистка; въ числѣ ея картинъ мы видѣли и виды Петербурга, и виды нормандскаго прибрежья, и мѣстечки съ сѣренькимъ сѣвернымъ небомъ, и пейзажи съ голубымъ небомъ юга; но, оставаясь по преимуществу пейзажисткой, наша художница не избѣгаетъ и человѣческихъ фигуръ, такъ что ея пейзажи не являются мертвыми или скучными, что очень часто случается у пейзажистовъ, боящихся изобразить на своихъ картинахъ какое-нибудь животное или человѣка; пишущихъ постоянно какія-то пустынныя мѣстности, въ которыхъ словно все вымерло; мы видѣли въ числѣ картинъ госпожи Куріаръ и попытки сосредоточить главное вниманіе не на пейзажѣ, а на человѣческой фигурѣ; таковъ ея охотникъ. Судя по первымъ болѣе или менѣе крупнымъ вещамъ работы госпожи Куріаръ, можно сказать, что ея имя можетъ пріобрѣсти почтенную извѣстность: не гоняясь за свѣтовыми эфектами, не изыскивая особенно поразительныхъ мѣстъ въ природѣ, госпожа Куріаръ старается выбирать будничные, если можно такъ выразиться, но тѣмъ не менѣе прекрасные уголки той или другой мѣстности и беретъ ихъ при болѣе или менѣе мягкомъ освѣщеніи, когда солнце еще не бросаетъ слишкомъ причудливыхъ пятенъ изъ золота и пурпура. Если госпожа Куріаръ не остановится и будетъ идти все дальше и дальше, чего и слѣдуетъ ожидать при ея любви къ искуству, то, намъ кажется, что всѣ ея пейзажи и въ будущемъ будутъ носить на себѣ характеръ тишины, мирной поэзіи, скромной простоты: этимъ характеромъ отличаются уже и теперь ея картины. Мы очень рады, что мы можемъ познакомить нашу публику съ произведеніями нашей русской художницы. На первый разъ мы помѣщаемъ видъ Петербурга. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ мы помѣстимъ «Нормандскій берегъ». Далѣе мы познакомимъ нашу публику еще съ нѣсколькими пейза-

жами госпожи Куріаръ, любезно согласившейся принять участіе своими произведеніями въ нашемъ изданіи.

Венера и Адонисъ. Дюбюфъ—это имя давно уже популярно въ средѣ французскихъ и вообще европейскихъ художниковъ; рѣдко кто изъ художниковъ, посѣщавшихъ Францію, не знаетъ семьи Дюбюфовъ, связанной родственными узами со многими представителями искуства. Художественныя способности въ этой семьѣ чисто наслѣдственныя: мы уже встрѣчаемъ три поколѣнія художниковъ Дюбюфовъ, дѣда, отца и внука. Кисти послѣдняго принадлежитъ картина, копію съ которой мы помѣщаемъ теперь и которая обратила вниманіе парижскаго общества на молодого художника. Мифъ объ Адонисѣ, конечно, извѣстенъ нашимъ читателямъ: этотъ прелестный юноша, любитель охоты въ лѣсу и въ горахъ, любимый Венерой, погибъ отъ клыковъ кабана; Венера выпросила у Юпитера позволеніе, чтобы Адонису было позволено проводить полгода въ царствѣ тѣней, а полгода у нея; въ честь Адониса устраивались празднества. Молодой Дюбюфъ взялъ сюжетомъ для своей картины тотъ моментъ, когда Венера съ ужасомъ находитъ въ лѣсу искаженный предсмертными муками трупъ красавца. Этотъ сюжетъ далъ художнику возможность нарисовать и написать два удачные этюда женскаго и мужского тѣла.

Мальчикъ, котораго моютъ. Въ наше время реализмъ начинаетъ проникать во всѣ отрасли искуства. Эмиль Золя, братья Гонкуры, Альфонсъ Додэ и тому подобные современные писатели являются представителями этого направленія въ литературѣ; Кнаусъ, Дефреггеръ, нашн Рѣпинъ, Крамской, Перовъ и множество другихъ талантливыхъ художниковъ держатся этого направленія въ живописи; на сценѣ появляются такія артистки, какъ госпожа Стрепетова и госпожа Лиловская, неимѣющія ничего общаго съ прежними представительницами искуственности и условности въ сценическомъ искуствѣ; проникаетъ это направленіе и въ скульптуру,—такъ, напримѣръ, «Крестьянинъ въ бѣдѣ» не имѣетъ уже ничего общаго съ разными «Парисами», «Венерами» и тому подобными произведеніями. Однимъ изъ представителей это направленіе въ скульптурѣ является Джіованни Фокарди, скульпторъ-итальянецъ, живущій въ Лондонѣ. Наши читатели, конечно, помнятъ прелестную группу «Газетчики», помѣщенную у насъ въ журналѣ; это чисто реальное произведеніе, останавливавшее вниманіе публики на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Еще большимъ успѣхомъ пользовалась, награжденная преміей, другая группа того же направленія, копію съ которой помѣщаемъ мы теперь,—это мальчикъ, котораго моетъ его бабка, намыливая ему голову. Эта группа полна жизни, правды, экспрессіи. Обѣ эти фигуры выхвачены живьемъ изъ будничной дѣйствительности, онѣ, кажется, живутъ передъ вами и на нихъ можетъ долго остановиться вниманіе, такъ какъ каждая черта въ этихъ фигурахъ, въ ихъ позахъ, въ выраженіи лицъ, показываетъ массу наблюдательности и замѣчательное умѣнье передать свои наблюденія со стороны художника.

Маленькій скряга. Въ «Салонѣ» — на этой художественной выставкѣ «всемірной столицы» — ежегодно появляется цѣлая масса замѣчательныхъ произведеній. Они тотчасъ же раскупаются разными богачами и до большинства публики достигаютъ только копіи, фотографическіе снимки и гравюры съ этихъ вещей. Слѣдя за художественными произведеніями, мы помѣстили и еще помѣстимъ въ нынѣшнемъ году нѣсколько гравюръ, сдѣланныхъ съ картинъ послѣдняго салона 1879 года. Въ числѣ произведеній, обратившихъ на себя вниманіе въ нынѣшнемъ году на парижской выставкѣ, не послѣднее мѣсто занимаетъ и картина «Маленькій скряга». Это прекрасно задуманная и прелестно написанная сценка изъ дѣтской жизни. Маленькій скряга раскричался, что у него взяли одинъ изъ мячиковъ, хотя у него и остались еще мячики. Его сердитое личико и хитрая рожица старшаго брата, спрятавшаго мячикъ, превосходны по экспрессіи.

Марокскія женщины. Эта картина—страничка изъ восточной жизни. Городъ съ плоскими крышами, знойный лѣтній вечеръ, женщины, вышедшія на крыши полежать въ сладкомъ «far niente», восточная нѣга и лѣнь, вотъ содержаніе картины, переносящей наше воображеніе въ среду, не похожую на жизнь нашихъ европейскихъ городовъ, особенно когда надъ этими городами стоятъ такіе туманы и льютъ такіе дожди, какъ въ нынѣшнее лѣто. Чтожь, посмотрите хоть на картинахъ, какъ наслаждаются чудными лѣтними вечерами гдѣ-то тамъ, въ Марокко...

Правительственное распоряженіе.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, 11-го мая 1879 года, высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Въ видѣ временной мѣры, срокомъ на два года, въ губерніяхъ: бессарабской, екатеринославской, полтавской, таврической, харьковской и херсонской ввести, сообразно дѣйствительной потребности, обязательную повинность по истребленію хлѣбнаго жучка, на нижеслѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Повинность сія отбывается натуральнымъ и денежнымъ способомъ.

2) Къ натуральному способу отбыванія повинности привлекаются лица податныхъ сословій, не исключая женщинъ и дѣтей: въ разстояніи семи верстъ — безплатно, въ болѣе же отдаленномъ разстояніи—за особое вознагражденіе по таксѣ, опредѣляемой мѣстными земскими управами, съ утвержденія губернской земской управы.

Примѣчаніе. На семиверстномъ разстояніи дѣти могутъ быть привлекаемы къ отбыванію жучковой повинности, начиная съ десятилѣтняго возраста; на большемъ же разстояніи—не моложе пятнадцати лѣтъ.

3) Высшій предѣлъ разстоянія, въ районѣ коего могутъ быть призываемы къ отбыванію повинности означенныя въ пунктѣ 1-мъ лица, опредѣляется губернскою земскою управою, и не можетъ быть болѣе 20 верстъ въ окружности.

4) Каждая смѣна призываемыхъ на мѣсто сбора жучковъ рабочихъ можетъ быть задерживаема на работахъ не болѣе трехъ дней.

5) Собираніе и истребленіе жучковъ допускается всякими способами. Но сгонять ихъ веревками строго воспрещается.

6) Денежная жучковая повинность распредѣляется губернскимъ земскимъ собраніемъ посредствомъ обложенія надлежащимъ сборомъ полевыхъ угодій частныхъ землевладѣльцевъ, удѣла, казны и иныхъ установленій, сообразно стоимости того труда, какой будетъ исполненъ натурою податнымъ населеніемъ на опредѣленномъ земельномъ пространствѣ. Самая оцѣнка сего труда опредѣляется таксою, о коей упомянуто въ пунктѣ 2-мъ.

II. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ:

1) Разрѣшать установленіе, на изъясненныхъ основаніяхъ, жучковой повинности и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ бы было замѣчено появленіе въ значительномъ числѣ жучковъ, по ходатайству о томъ мѣстныхъ губернскихъ земскихъ собраній.

2) Давать подлежащимъ земствамъ, по ходатайству губернскихъ земскихъ управъ, разъясненія въ подробностяхъ, какія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, оказались бы необходимыми по предмету приведенія въ дѣйствіе настоящихъ правилъ.

3) Разрѣшить бессарабскому земству распространить дѣйствіе сихъ правилъ, если въ томъ окажется потребность, и на возсоединенный отъ Румыніи участокъ, съ отнесеніемъ на него впослѣдствіи соотвѣтственной части общихъ издержекъ, какія были бы произведены по истребленію жучковъ въ губерніи.

III. По истеченіи перваго года дѣйствія настоящихъ правилъ, губернскія и уѣздныя земскія собранія обязываются войти въ ближайшее обсужденіе удобопримѣнимости оныхъ на будущее время, и соображенія свои по сему предмету представить на разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ.

IV. Ходатайство херсонскаго губернскаго земскаго собранія о разрѣшеніи земствамъ сосѣднихъ съ херсонскою губерніей обсудить вопросъ о мѣрахъ борьбы съ хлѣбнымъ жучкомъ чрезъ особо избранныхъ уполномоченныхъ, на общемъ ихъ съѣздѣ — отклонить.

Смѣсь.

— По поводу послѣднихъ воздухоплаваній (Замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). 4-го іюня изъ сада «Ливадія», въ Петербургѣ, поднялся воздушный шаръ «Прогресъ». Погода была прелестная. Масса посѣтителей наводнила садъ, даровыми же зрителями явилась вся столица и ея окрестности. Шаръ поднялся въ 9 часовъ вечера. Я находился въ это время на дачѣ, въ Стрѣльнѣ, у извѣстной артистки г-жи Павловской, и мы съ девятаго часа внимательно слѣдили за поднятіемъ шара. Къ сожалѣнію, тихая погода не разогнала дыма, разстилавшагося надъ столицей, даже по прекращеніи работъ на заводахъ, почему поднятіе шара не могло быть замѣчено сначала. Мы увидѣли его уже на значительной высотѣ и какъ бы вскорѣ остановившимся. Затѣмъ шаръ понесся въ нашу сторону и опустился въ Стрѣльнѣ. Я имѣлъ случай возвратиться вмѣстѣ съ воздухоплавателями въ Петербургъ. Летѣли, какъ извѣстно, Е. В. Васильева и г. Рудольфи, кассиръ цирка Чинизелли. Надо было удивляться неустрашимости г-жи Васильевой, предпринявшей такой рискованный полетъ. Шаръ опустился возлѣ пристани и корзинка его коснулась воды. Такъ какъ его увидали уже издалека, то многіе дачники и рыбаки выѣхали въ лодкахъ, и воздухоплаватели, и шаръ, принадлежащій, какъ извѣстно, графу Апраксину, были вытащены благополучно. Густая масса народа, среди которой преобладала дачная публика, провожала шаръ и его хозяевъ до станціи. Выраженія сочувствія слышались изъ толпы и эпизодъ полета сталъ извѣстнымъ во всей окрестности. Этотъ полетъ, конечно, предпринимался исключительно для потѣхи публики, но можно бы устроивать полеты и съ чисто-научными цѣлями. Здѣсь кстати напомнить о цѣлесообразномъ предложеніи професора Дмитрія Ивановича Менделѣева объ устройствѣ большого аэростата для научныхъ поднятій. На расходы по его устройству Д. И. назначена выручка отъ продажи нѣкоторыхъ изъ изданныхъ имъ сочиненій. Публика, путемъ пріобрѣтенія книгъ нашего знаменитаго ученаго, можетъ легко содѣйствовать осуществленію полезнаго предпріятія. Въ отношеніи воздухоплаванія у насъ сдѣлано очень немного. Студитскій, да Константиновъ изобразили довольно обстоятельно исторію воздухоплаванія въ своихъ сочиненіяхъ. Редакція журнала «Всемірный Путешественникъ» перевела книгу "Воздушныя путешествія Глешера, Фламаріона, Фонвіеля и Тиссандье. Матеріялы въ этомъ отношеніи даетъ также и «Морской сборникъ», гдѣ въ 1856 году появился трактатъ полковника Константинова «Воздухоплаваніе». Эта статья вызвала рядъ другихъ. Кромѣ того, появились статьи гг. Черносвитова и Соковнина о «Воздушныхъ локомотивахъ» (1857), да описанія аэростатовъ, изобрѣтенныхъ въ Нью Іоркѣ (1859), г. Лове (1860), Дюпюи де-Ломомъ (1872). Въ 1872 году въ «Инженерномъ журналѣ» появилась статья объ употребленіи воздушныхъ шаровъ для военныхъ цѣлей. Въ 1873 г. въ «Артиллерійскомъ журналѣ» даны были свѣдѣнія о летаніи по воздуху при содѣйствіи особенныхъ механическихъ средствъ и описаніе воздушныхъ шаровъ луарской арміи. Въ № 9 «Знанія» 1874 г. статью къ вопросу о воздухоплаваніи сообщилъ г. Арендтъ. Въ «Знаніи» же было приведено средство Кроче-Спинелли заставлять воздушный шаръ повышаться и опускаться, не открывая клапана и не выбрасывая баласта. Нѣсколько свѣденій о закрѣпленныхъ воздушныхъ шарахъ привелъ въ «Инженерномъ журналѣ» за 1876 г. И. Церницкій. Летательные снаряды были описаны въ 4-й книгѣ «Природы» того же года. Въ протоколахъ бывшаго физическаго общества помѣщено предложеніе професора Менделѣева о научныхъ поднятіяхъ съ цѣлью изслѣдованія атмосферы въ высшихъ ея слояхъ. Всего этого очень недостаточно и можно сказать, что воздухоплаваніе не разработывалось у насъ ни литературнымъ путемъ (если не считать неосуществленнаго до сихъ поръ проекта г. Мерчинскаго), ни практическимъ. Поднимались у насъ почти исключительно для потѣхи публики. Впрочемъ, случались поднятія иногда и для научныхъ

наблюденій, но очень рѣдко, напримѣръ, М. А. Рыкачева и недавно профессора Барановскаго. Въ виду этого, нельзя не пожелать осуществленія проекта Д. И. Менделѣева.

— **Практика женщинъ-врачей.** Одесская газета «Правда», передаетъ, что, «въ виду недостатка врачебной помощи населенію и ходатайства нѣкоторыхъ земствъ о восполненіи этого недостатка, недавно разрѣшено всѣмъ земскимъ управамъ: во-первыхъ, допустить окончившихъ медицинскій курсъ при николаевскомъ военномъ госпиталѣ и удовлетворительно выдержавшихъ испытаніе слушательницъ къ занятіямъ акушерскою, женскою и дѣтскою врачебною практикой, примѣнительно къ существующимъ постановленіямъ для вольнопрактикующихъ врачей; во-вторыхъ, допустить окончившихъ медицинскій курсъ и удовлетворительно выдержавшихъ испытаніе слушательницъ къ исполненію врачебныхъ обязанностей и самостоятельному пользованію больныхъ въ женскихъ, родовспомогательныхъ и дѣтскихъ лечебныхъ заведеніяхъ разнаго рода и наименованія, и, въ-третьихъ, не допускать кончившихъ медицинскій курсъ слушательницъ къ исполненію судебно медицинскихъ, медико-полицейскихъ и другихъ офиціальныхъ требованій, обусловливаемыхъ составленіемъ медицинскаго акта, или выдачей врачебнаго свидѣтельства и удостовѣренія, за исключеніемъ свидѣтельствъ: о привитіи оспы и на дозволеніе къ погребенію умершаго». Эта мѣра несомнѣнно приведетъ къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, если принять во вниманіе, что въ Россіи всего 12,594 врачей-мужчинъ.

— **Преобразованіе духовныхъ академій.** По словамъ «Рус. Правды», носится слухъ, что въ непродолжительномъ времени въ высшихъ сферахъ будетъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи духовныхъ академій съ цѣлью усилить переходъ въ нихъ молодыхъ людей и изъ гимназій. Гимназисты, какъ извѣстно, избѣгаютъ нынѣ академій. Какъ говорятъ, признано цѣлесообразнымъ преобразованіе академій въ богословскіе факультеты. Къ обсужденію этого вопроса предполагается пригласить представителей разныхъ вѣдомствъ.

— **Къ Пушкинскому юбилею.** «Русск. Вѣд.» сообщаютъ, что «московское общество распространенія полезныхъ книгъ», въ виду предстоящаго осенью открытія памятника А. С. Пушкину, предпринимаетъ изданіе біографіи поэта и избранныхъ мѣстъ изъ его произведеній. Изданіе будетъ имѣть цѣлью возможно болѣе ознакомить народъ съ талантомъ и личностью поэта, вслѣдствіе чего цѣна книги будетъ назначена самая умѣренная.

— **Еще объ Анциферовскихъ рудникахъ.** Въ прошломъ году мы дали подробное описаніе почти неисчерпаемыхъ желѣзныхъ рудниковъ, принадлежащихъ помѣщику орловской губерніи, кромскаго уѣзда, г. Анцыфорову, и неразработываемыхъ по причинамъ, объясненнымъ въ той статьѣ. По словамъ «Голоса», г. Анцыфоровъ на-дняхъ, возвратился изъ за-границы въ свое имѣніе Зиновьево. Г. Анцыфорова сопровождаютъ представители финансоваго міра, два лучшіе бельгійскіе инженера, изъ которыхъ одинъ, г. Филипаръ, состоитъ главнымъ инженеромъ знаменитаго въ Лютихѣ машино-строительнаго завода «Кокериль». Въ имѣніе Зиновьево должны прибыть также нѣкоторые русскіе инженеры и професоръ петербургскаго университета Менделѣевъ. Образцы стальныхъ издѣлій изъ руды г. Анцыфорова признаны во Франціи и Бельгіи лучшими въ мірѣ. Послѣ окончательнаго осмотра рудниковъ, комисія отправится на донецкія каменноугольныя копи и оттуда въ Парижъ, для заключенія контракта. Къ устройству громаднѣйшаго завода для приготовленія стали высшаго качества приступятъ, вѣроятно, нынѣшнею же осенью. Смѣта на постройку завода простирается, какъ слышно, до четырехъ миліоновъ рублей. Нельзя не пожалѣть, что не обошлось безъ иностранныхъ капиталовъ для разработки нашихъ родныхъ минеральныхъ богатствъ.

— **Что будетъ стоить Литейный мостъ въ Петербургѣ.** Какъ извѣстно, строитель постояннаго Литейнаго моста, инженеръ-полковникъ Струве, обязавшійся контрактомъ съ городомъ произвести всю работу за 2.600,000 рублей, обратился къ правительству съ ходатайствомъ о субсидіи, въ виду значительныхъ потерь на курсовой разницѣ и вздорожанія рабочихъ рукъ. Въ удовлетвореніе этого ходатайства, въ счетъ просимой субсидіи, по высочайшему повелѣнію, ему былъ выданъ изъ казны 1.000,000 руб. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ «С.-Петерб. Вѣд.», особая комисія, разсматривавшая ходатайство г. Струве, нашла справедливымъ увеличить субсидію еще на 1.500,000 руб. Государственный совѣтъ согласился съ доводами комисіи, и строителю уже выдано въ счетъ назначенной суммы до 500,000 руб.

— **Премія.** Германская императрица назначила значительную премію за лучшее сочиненіе о средствахъ противъ дифтерита. Комисія, которой поручено присудить ее, состоитъ изъ гг. Лангенбека, Вирхова и Либрейха изъ Берлина, Тирша изъ Лейпцига, Фонъ-Негеля и Эртеля изъ Мюнхена и Клебса изъ Праги. Сущность задачи заключается по редакціи г. Лангенбека въ слѣдующемъ: "О натурѣ дифтерита и вытекающія изъ изслѣдованія ея послѣдствія для леченія этой болѣзни». Сочиненія могутъ быть составлены на нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ языкѣ и должны быть доставлены на имя г. Лангенбека не позже 3 (15) декабря 1880 г. Присужденіе преміи состоится въ первомъ засѣданіи конгреса нѣмецкихъ хирурговъ, который соберется въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1881 года.

— **Памятникъ.** Изобрѣтателю хлороформа Джемсу Симпсону, профессору акушерства при эдинбургскомъ университетѣ, скончавшемуся 13 мая 1870 г., будетъ поставленъ въ вестминстерскомъ абатствѣ памятникъ, на пьедесталѣ котораго красуется слѣдующая надпись: «Сэру Джемсу Симпсону, генію и гуманности котораго свѣтъ обязанъ благодѣяніями, которыми пользуются страждущіе благодаря примѣненію хлороформа».

— **Важное изобрѣтеніе.** Въ медицинскихъ журналахъ сообщаютъ объ изобрѣтеніи апарата для освѣщенія полостей человѣческаго тѣла электрическимъ свѣтомъ. Изобрѣтенъ онъ однимъ саксонскимъ врачемъ, докторомъ Нитце; послѣдній показывалъ этотъ апаратъ и какъ его слѣдуетъ употреблять на послѣднемъ засѣданіи императорскаго общества врачей въ Вѣнѣ. Освѣщеніе производится посредствомъ тонкой платиновой проволоки, которая, будучи приведена въ сообщеніе съ электрическою батареею, накаляется до-бѣла. Для защиты отъ невыносимой жары, распространяемой раскаленною такимъ образомъ платиновою проволокою, апаратъ устроенъ такъ, что стѣнка металической трубки, въ которой проведена проволока, постоянно омывается струею холодной воды, чѣмъ и получается сравнительно низкая температура. Вслѣдствіе этого, раскаленную платиновую проволоку можно безъ вреда держать между пальцами или опускать въ любой доступный для нея органъ человѣческаго тѣла. При объясненіи изобрѣтеннаго имъ апарата, докторъ Нитце выразилъ даже надежду, что въ скоромъ времени, благодаря электрическому свѣту, ему удастся сдѣлать доступною для наблюденія полость желудка.

— **Призъ за стрѣльбу, полученный дѣвушкой.** На большой обще-швейцарской стрѣльбѣ въ цѣль, происходившей въ Базелѣ, одинъ изъ первыхъ призовъ достался молодой дѣвицѣ. Согласно принятому обычаю, побѣдительница въ состязаніи, дѣвица Мюлеръ, была увѣнчана лаврами. Затѣмъ ей торжественно поднесли полный виномъ знаменитый золотой кубокъ Карла Смѣлаго, герцога бургундскаго. При общихъ рукоплесканіяхъ, дѣвица Мюлеръ отпила немного изъ этого исторически-достопримѣчательнаго кубка, доставшагося швейцарцамъ послѣ сраженія при Нанси. Церемонія кончилась нѣсколькими спичами въ честь юной героини дня.

— **Урожай фруктовъ.** По словамъ «Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства», въ Крыму ожидается въ нынѣшнемъ году такой урожай фруктовъ, какого не запомнятъ десятки лѣтъ. Знатоки-садоводы говорятъ, что если только половина фруктовъ уцѣлѣетъ, то и тогда всѣ садоводы обогатятся. Одесская торговля по этому случаю принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ: комисіонеры, продающіе константинопольскіе фрукты въ Одессѣ, вошли съ нѣкоторыми садоводами въ соглашеніе объ отправкѣ нашихъ фруктовъ въ Константинополь. Это будетъ едва-ли не первый случай въ лѣтописяхъ нашей фруктовой торговли.

— **Практическій способъ сушки сѣна.** Онъ употребляется въ Швеціи и Финляндіи. Траву оставляютъ въ валахъ провянуть только около сутокъ и затѣмъ, плотно утаптывая ее, складываютъ въ обыкновенныя скирды на лугу. Чрезъ нѣсколько дней трава начинаетъ нагрѣваться до того, что рука съ трудомъ переноситъ жаръ, образующійся внутри скирды; въ это-то время въ видѣ пара уносятся водянистыя части травъ. Затѣмъ, недѣли через три-четыре, сѣно, совершенно просохнувъ въ скирдѣ или ометѣ, годно къ употребленію. Приготовленное такимъ образомъ сѣно скотъ ѣстъ такъ-же охотно, какъ и совершенно зеленое сѣно.

— **Крупное пожертвованіе.** На островѣ Хіосѣ, Зорзи Дромокопти завѣщалъ разнымъ филантропическимъ заведеніямъ въ Афинахъ и на островѣ Хіосѣ около двухъ миліоновъ франковъ, изъ которыхъ 700,000 предоставилъ въ распоряженіе короля Георга для разныхъ филантропическихъ и народныхъ цѣлей; 500,000 для учрежденія въ Афинахъ клиники для душевныхъ больныхъ; 300,000 для хіосской гимназіи, 130,000 для хіосской больницы, 60,000 для афинскаго женскаго «Амалійскаго» сиротскаго училища и 25,000 для хіосской богадѣльни. Подобная щедрость обратила на себя вниманіе и вышеупомянутая газета говоритъ, что подобный достойный подражанія поступокъ заслуживаетъ уваженія всякаго эллина, любящаго свою родину и человѣчество, и что имя Дромокопти должно сдѣлаться незабвеннымъ въ Греціи.

— **Награды въ англійской арміи.** По сообщенію англійскихъ газетъ, британское правительство, въ виду обнаруженной унтеръ-офицерами и солдатами въ сраженіи при Боркесъ-Дрифтѣ (въ южной Африкѣ, въ войнѣ съ зулусами) храбрости, приказало выдать каждому изъ участвовавшихъ въ этомъ бою пару подштанниковъ и фланельный жакетъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 29-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 21-го іюля въ 6 часовъ 30 минутъ, на иногороднюю почту 22-го іюля въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**
Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 27 Іюля 1879 года. **Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).**